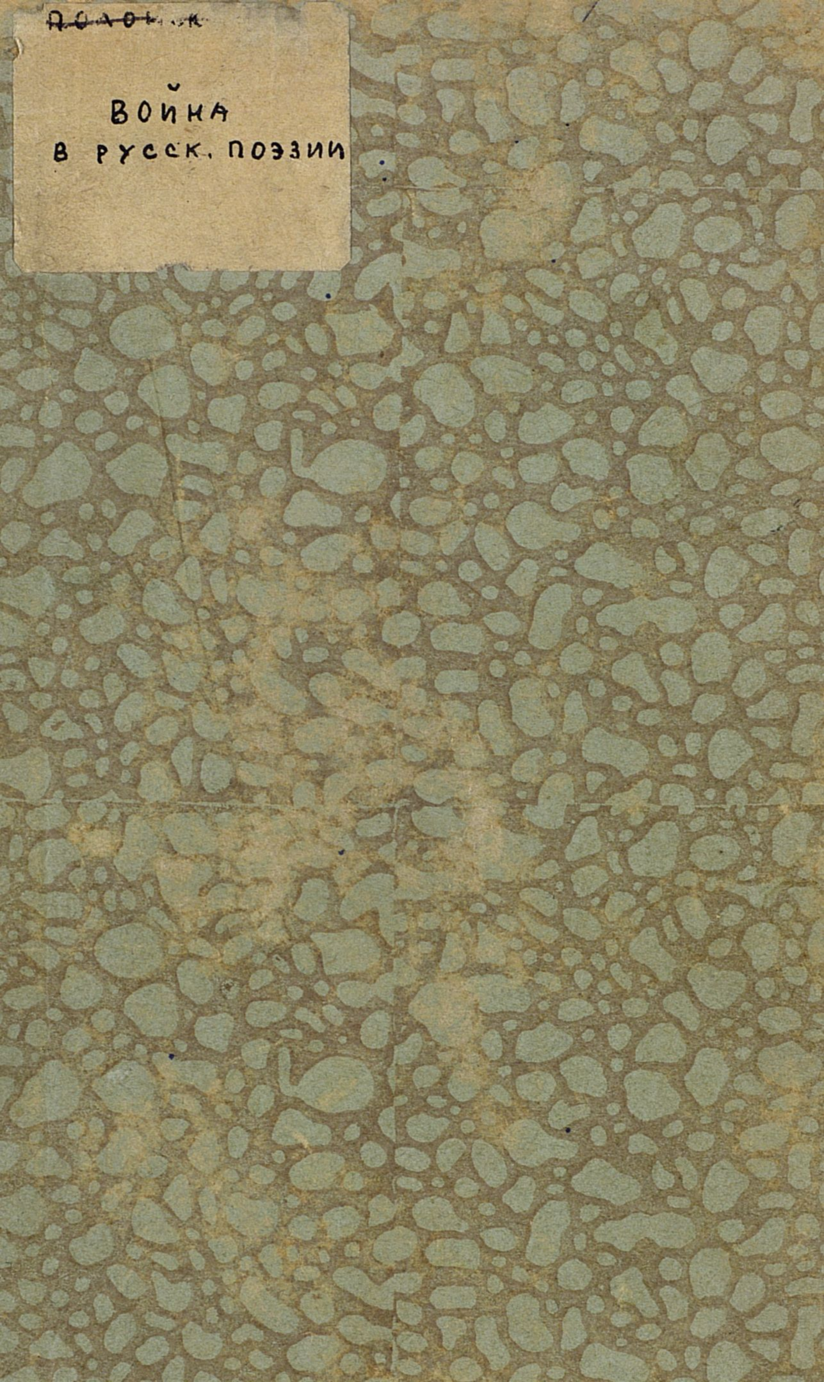
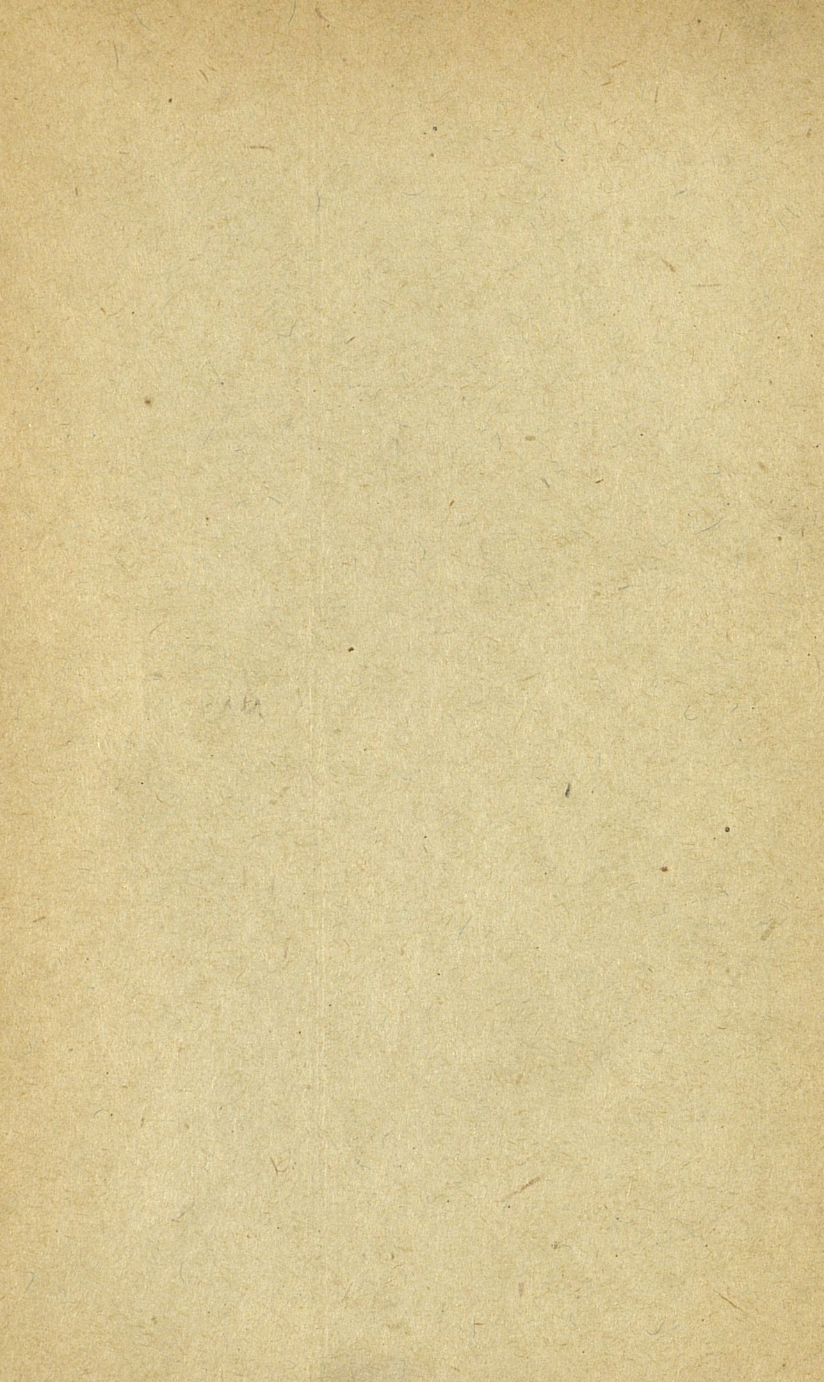

Война
в русск. поэзии

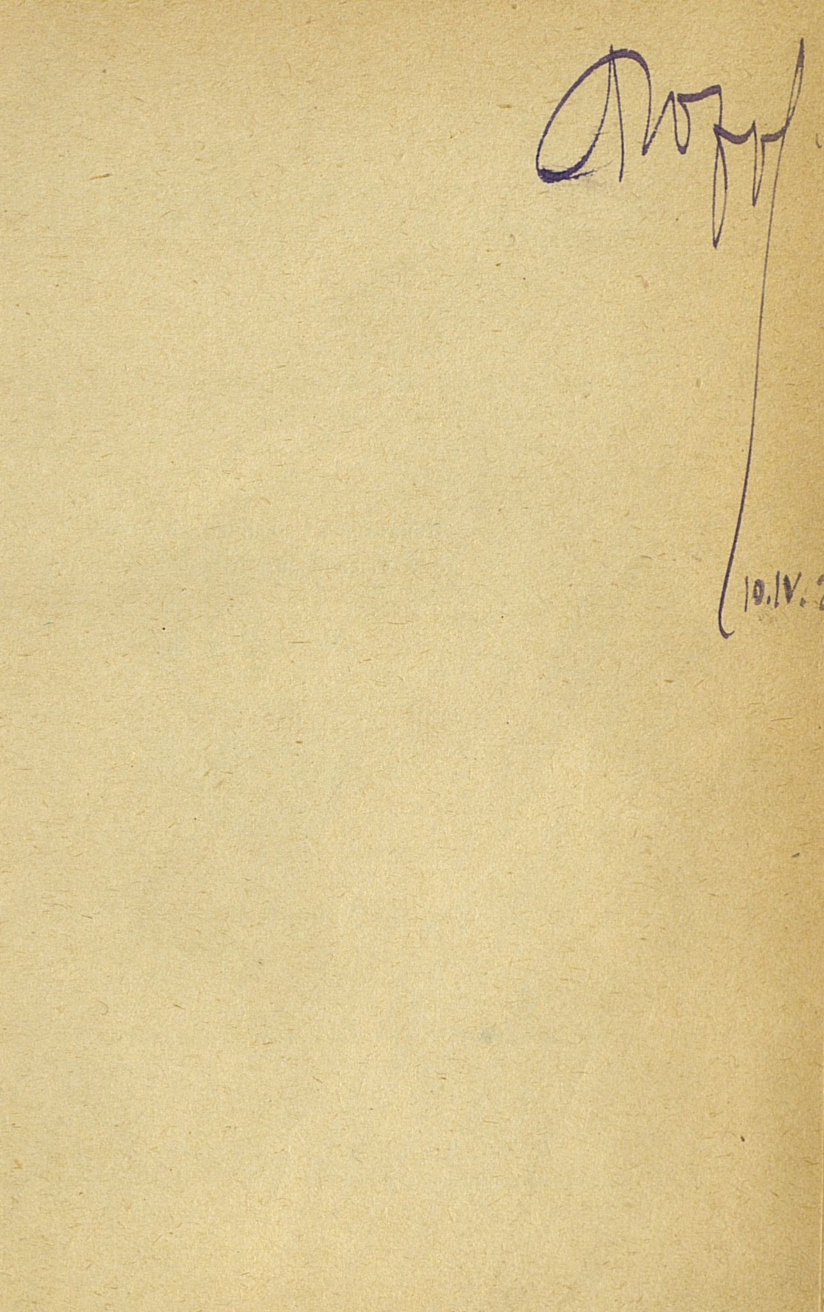

ВОЙНА ВЪ РУССКОЙ ПОЭЗІИ

Составила АНС. ЧЕБОТАРЕВСКАЯ.

Съ предисловіемъ ѲЕДОРА СОЛОГУБА.

10.IV.

Печатано въ количествѣ одной
тысячи экземпляровъ.

№ 371

ВОЙНА ВЪ РУССКОЙ ПОЭЗІИ.

▽ ▽ ▽

СТИХОТВОРЕНІЯ:
Полонскаго, Жуковскаго, Пушкина, Ѳ. Глинки, Хомякова, Языкова, Дельвига, Козлова, Кольцова, Лермонтова, Некрасова, Майкова, Мея, Кускова, Тютчева, Сологуба, Блока, Соловьевой, Бальмонта, Брюсова, Эрберга, Вяч. Иванова, Кузмина, Теффи, Гумилева, Ахматовой, Городецкаго, Бестужева, Столицы, Иг. Сѣверянина, Рафаловича, Крючкова, Ивнева, Скалдина, Тамамшева и Струве.

Стихотворенія выбраны Анс. ЧЕБОТАРЕВСКОЙ.

Предисловіе ѲЕДОРА СОЛОГУБА.

Обложка художника Н. Калмакова.

Книгоиздательство бывш. М. В. ПОПОВА.
ПЕТРОГРАДЪ, Невскій пр., 66.

ТИП. А. ЛАВРОВЪ и К°, ПЕТРОГРАДЪ, УЛ. ГОГОЛЯ, 8.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

стр.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Война—величайшее напряженіе волевой энергіи, одно изъ могущественнѣйшихъ средствъ, которыми пользуется Рокъ народовъ для достиженія своихъ далекихъ цѣлей. Вовлекая въ свое стремленіе всѣ живыя силы страны, война не можетъ не волновать поэтовъ. Какъ и любовь, движущая мірами и сердцами, война обнаруживаетъ сокрытое въ глубинахъ душевныхъ, — и пѣсни, внушенныя войною, полнозвучны, какъ пѣсни любви, ибо въ нихъ отражается совершенно душа поэта и душа народа.

Каждый народъ по-своему воспринимаетъ міръ по-своему чувствуетъ войну, и откликается на нее только ему одному свойственными напѣвами. Рожденныя подъ вліяніемъ могучихъ движеній народной души, пѣсни о войнѣ не менѣе,—если не болѣе,—отражаютъ народный духъ, чѣмъ поэзія дней мирныхъ.

Собранные здѣсь стихи показываютъ это особенное отношеніе русскаго духа къ войнѣ. Никакого стремленія къ громкимъ словамъ, къ торжественнымъ заявленіямъ, во всемъ величавая, спокойная простота, столь согласная съ духомъ и судьбою Россіи. Великодушное отношеніе къ врагу, отсутствіе

любы къ иноплеменникамъ и горячее чувство справедливости,—вотъ черты, достойныя великаго народа и дающія ему право на великое будущее. И эти черты тѣмъ прекраснѣе и возвышеннѣе, что онѣ освѣщены немеркнущимъ свѣтомъ жертвенной готовности, религіознаго сознанія, питающаго душу не только смиреніемъ, но и твердою увѣренностью, и отгоняющаго отъ души не только надмевающій духъ гордыни сатанинской, но и разлагающій духъ пагубнаго унынія.

Въ свѣтѣ этого высокаго сознанія даже и превратности военнаго счастія и тяжелые удары судьбы принимаются, какъ жертвы, покорно и смиренно приносимыя, жертвы, спасительною силою которыхъ крѣпка русская земля.

Собранные вмѣстѣ, стихи родныхъ поэтовъ полезно перечесть въ наши грозовые и великіе дни,—полезно, потому-что радостью, бодростью и надеждою вѣетъ отъ нихъ. Душа, такъ многозвузно отвѣчавшая громамъ, есть душа великаго народа, достойнаго величайшихъ побѣдъ.

Ѳедоръ Сологубъ.

Я. П. Полонскій.

ЭПИГРАФЪ.

Писатель,—если только онъ
Волна, а океанъ—Россія,
Не можетъ быть не возмущенъ,
Когда возмущена стихія.
Писатель, если только онъ
Есть нервъ великаго народа,
Не можетъ быть не пораженъ,
Когда поражена свобода.

В. А. Жуковскій.

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ ПОЭМЫ: ВЪ СТРАНѢ ВОИНОВЪ.

Сей кубокъ ратнымъ и вождямъ!
Въ шатрахъ, на полѣ чести
И жизнь, и смерть—все пополамъ;
Тамъ дружество безъ лести,
Рѣшимость, правда, простота,
И нравовъ непритворство,
И смѣлость—бранныхъ красота,
И твердость, и покорство.
Друзья, мы чужды низкихъ узъ;
Къ вѣнцамъ стезею правой!
Опасность—твердый нашъ союзъ;
Одной пылаемъ славой.

Тотъ нашъ, кто первый въ бой летитъ
На гибель супостата,
Кто слабость падшаго щадитъ
И грозно мститъ за брата;
Онъ взоромъ жизнь даетъ полкамъ;
Онъ махомъ мощной длани
Ихъ мчитъ во срѣтенье врагамъ,
Въ средину шумной брани;
Ему веселье—битвы гласъ,
Спокоенъ подъ громами:
Онъ свой послѣдній видитъ часъ
Безстрашными очами.

В. А. Жуковскій.

Былъ у меня товарищъ,
Ужъ прямо братъ родной!
Ударили тревогу—
Съ нимъ дружнымъ шагомъ, въ ногу
Пошли мы въ жаркій бой.

Вдругъ свистнула картечь...
Кого изъ насъ двоихъ?
Меня промчалась мимо;
А онъ... лежитъ родимой
Въ крови у ногъ моихъ!

Пожать мнѣ хочетъ руку...
Нельзя—кладу зарядъ!
Въ той жизни, другъ, сочтемся;
И тамъ, когда сойдемся,
Ты будь мнѣ вѣрный братъ!..

1827.

Кн. П. Вяземскій.

ПОМИНКИ ПО БОРОДИНСКОЙ БИТВѢ.

Милорадовича помню
Въ битвѣ при Бородинѣ:
Былъ онъ въ шляпѣ безъ султана
На гнѣдомъ своемъ конѣ.
Бодро онъ и хладнокровно
Велъ полки въ кровавый бой;
Строй за строемъ густо, ровно
Выступалъ живой стѣной.
Только подошли мы ближе
Къ средоточію огня,
Взвизгнуло ядро и пало
Передъ нимъ къ ногамъ коня.
И, сердито землю роя
Адскимъ огненнымъ волчкомъ,
Не затронуло героя,
Но осыпало пескомъ.
„Богъ мой!“—онъ сказалъ съ улыбкой,
Указавъ на вражью рать:
„Насъ завидѣлъ непріятель
И спѣшитъ намъ честь отдать“!
И Кутузовъ предо мною,
Вспомню-ль о Бородинѣ:
Онъ и въ бѣлой былъ фуражкѣ,
И на бѣломъ былъ конѣ.

Чрезъ плечо повязанъ шарфомъ,
Онъ стоитъ на высотѣ,
И надъ старцемъ блещетъ ярко
День въ осенней красотѣ.
Старца бодрый видъ воинственъ,
Онъ средь полчищъ одинокъ,
Онъ безстрастенъ, онъ таинственъ,
Онъ властителенъ, какъ рокъ.
На челѣ его маститомъ,
Пролетѣвшею насквозь
Смертью разъ уже пробитомъ,
Пламя юное зажглось.
Пламя думъ, грозой созрѣвшихъ,
Въ битвѣ закаленныхъ думъ.
Онъ ихъ молча вопрошаетъ
Сквозь пальбу, огонь и шумъ.
Мыслью онъ паритъ надъ битвой,
И его орлиный взглядъ
Движетъ волею и силой
Человѣческихъ громадъ.
А его молнiеносцы
Ждутъ внимательно кругомъ,
Чтобъ, по слову полководца,
Зарядить крылатый громъ.
День насталъ. Мы ждали битвы,
Всѣ возрадовались ей:
Шли давно о ней молитвы
Прiунывшихъ усачей.
И, на пиръ веселый словно,
Каждый радостно летитъ:
Будь у каждаго три жизни—
Онъ всѣхъ трехъ не пощадитъ.

Никогда еще въ подлунной
Не кипѣлъ столь страшный бой:
Изъ орудій адъ чугунный,
Разразившись, поднялъ вой.
Цѣлый день не умолкаетъ,
Извергая смерть кругомъ;
Строй за строемъ исчезаетъ
Подъ убійственнымъ огнемъ.
Словно два бойца во злобѣ,
Набѣжала рать на рать;
Грудью въ грудь схватились обѣ,
Чтобъ противника попрать.
Но побѣда обоюдно
То дается намъ, то имъ;
Въ этотъ день рѣшить бы трудно,
Кто изъ двухъ непобѣдимъ.
Крѣпнетъ боевая вьюга,
Все сильнѣй растетъ она;
И вцѣпившихся другъ въ друга
Разнимаетъ ночь одна.
Грозный день сей Бородинской
Имъ и намъ въ почетъ равно:
Славься битвой исполинской,
Славься ввѣкъ, Бородино!

А. С. Пушкинъ.

Есть упоеніе въ бою:
И бездны мрачной на краю,
И въ разъяренномъ океанѣ
Средь грозныхъ волнъ и бурной тьмы,
И въ аравійскомъ ураганѣ,
И въ дуновеніи чумы!

Все, все, что гибелью грозитъ,
Для сердца смертнаго таитъ
Неизъяснимы наслажденья—
Безсмертья, можетъ быть, залогъ!
И счастливъ тотъ, кто средь волненья
Ихъ обрѣтать и вѣдать могъ...

А. С. Пушкинъ.

ВОЙНА.

Война!.. Подъяты наконецъ,
Шумятъ знамена бранной чести!
Увижу кровь, увижу праздникъ мести,
Засвищетъ вкругъ меня губительный свинецъ
И сколько сильныхъ впечатлѣній
Для жаждущей души моей:
Стремленье бурныхъ ополченій,
Тревоги стана, звукъ мечей,
И въ роковомъ огнѣ сраженій
Паденье ратныхъ и вождей!

Предметы гордыхъ пѣснопѣній
Разбудятъ мой уснувшій геній.
Все ново будетъ мнѣ: простая сѣнь шатра,
Огни враговъ, ихъ чуждое взыванье,
Вечерній барабанъ, громъ пушки, визгъ ядра
И смерти грозной ожиданье.
Родишься ль ты во мнѣ, слѣпая славы страсть,
Ты, жажда гибели, свирѣпый жаръ героевъ?
Вѣнокъ ли мнѣ двойной достанется на часть,
Кончину ль темную судилъ мнѣ жребій боевъ,
И все умретъ со мной: надежды юныхъ дней,
Священный сердца жаръ, къ высокому стремленье,
Воспоминаніе и брата, и друзей,
И мыслей творческихъ напрасное волненье,
И ты, и ты, любовь?.. Ужель ни бранный шумъ,
Ни ратные труды, ни ропотъ гордой славы—
Ничто не заглушитъ моихъ привычныхъ думъ?
Я таю, жертва злой отравы;
Покой бѣжитъ меня, нѣтъ власти надъ собой,
И тягостная лѣнь душою овладѣла...
Что жъ медлитъ ужасъ боевой?
Что жъ битва первая еще не закипѣла?..

1821 г.

А. С. Пушкинъ.

ПОЛТАВСКІЙ БОЙ.

Горитъ востокъ зарею новой.
Ужъ на равнинѣ по холмамъ
Грохочутъ пушки. Дымъ багровый
Кругами всходитъ къ небесамъ,
Навстрѣчу утреннимъ лучамъ.
Полки ряды свои сомкнули.
Въ кустахъ разсыпались стрѣлки.
Катятся ядра, свищутъ пули;
Нависли хладные штыки.
Сыны любимые побѣды,
Сквозь огнь окоповъ рвутся шведы;
Волнуясь, конница летитъ;
Пѣхота движется за нею
И тяжкой твердостью своею
Ея стремленія крѣпитъ.
И битвы поле роковое
Гремитъ, пылаетъ здѣсь и тамъ;
Но явно счастье боевое
Служить ужъ начинаетъ намъ.
Пальбой отбитыя дружины,
Мѣшаясь, падаютъ во прахъ.
Уходитъ Розенъ сквозь тѣснины;
Сдается пылкій Шлиппенбахъ.
Тѣснимъ мы шведовъ рать за ратью;
Темнѣетъ слава ихъ знаменъ,
И Бога браней благодатью
Нашъ каждый шагъ запечатлѣнъ.

Тогда-то, свыше вдохновенный,
Раздался звучный гласъ Петра:
„За дѣло, съ Богомъ!“ Изъ шатра,
Толпой любимцевъ окруженный,
Выходитъ Петръ. Его глаза
Сіяютъ. Ликъ его ужасенъ.
Движенія быстры. Онъ прекрасенъ,
Онъ весь какъ Божія гроза.
Идетъ. Ему коня подводятъ.
Ретивъ и смиренъ вѣрный конь:
Почуя роковой огонь,
Дрожитъ, глазами косо водитъ
И мчится въ прахѣ боевомъ,
Гордясь могучимъ сѣдокомъ.
Ужъ близокъ полдень. Жаръ пылаетъ.
Какъ пахарь, битва отдыхаетъ.
Кой-гдѣ гарцуютъ казаки,
Равняясь, строятся полки,
Молчитъ музыка боевая.
На холмахъ пушки, присмирѣвъ,
Прервали свой голодный ревъ.
И се—равнину оглашая,
Далече грянуло ура:
Полки увидѣли Петра.
И онъ промчался предъ полками,
Могучъ и радостенъ, какъ бой.
Онъ поле пожиралъ очами.
За нимъ вослѣдъ неслись толпой
Сіи птенцы гнѣзда Петрова—
Въ премѣнахъ жребія земного,
Въ трудахъ державства и войны
Его товарищи, сыны:

И Шереметевъ благородный,
И Брюсъ, и Боуръ, и Репнинъ,
И, счастья баловень безродный,
Полудержавный властелинъ.
И передъ синими рядами
Своихъ воинственныхъ дружинъ
Несомый вѣрными слугами,
Въ качалкѣ, блѣденъ, недвижимъ,
Страдая раной, Карлъ явился;
Вожди героя шли за нимъ.
Онъ въ думу тихо погрузился:
Смущенный взоръ изобразилъ
Необычайное волненье.
Казалось, Карла приводилъ
Желанный бой въ недоумѣнье...
Вдругъ слабымъ манiемъ руки
На русскихъ двинулъ онъ полки.
И съ ними царскiя дружины
Сошлись въ дыму среди равнины—
И грянулъ бой, полтавскiй бой!
Въ огнѣ, подъ градомъ раскаленнымъ,
Стѣной живою отраженнымъ,
Надъ падшимъ строемъ свѣжiй строй
Штыки смыкаетъ. Тяжкой тучей
Отряды конницы летучей,
Браздами, саблями звуча,
Сшибаясь. рубятся сплеча.
Бросая груды тѣлъ на груду,
Шары чугунные повсюду
Межъ ними прыгаютъ, разятъ,
Прахъ роютъ и въ крови шипятъ.
Шведъ, русскiй—колетъ, рубитъ, рѣжетъ.

Бой барабанный, клики, скрежетъ.
Громъ пушекъ, топотъ, ржанье, стонъ,
И смерть, и адъ со всѣхъ сторонъ!

Но близокъ, близокъ мигъ побѣды.
Ура! мы ломимъ; гнутся шведы.
О, славный часъ! о, славный видъ!
Еще напоръ и врагъ бѣжитъ...
И слѣдомъ конница пустилась;
Убійствомъ тупятся мечи,
И падшими вся степь покрылась
Какъ роемъ черной саранчи.
Пируетъ Петръ. И гордъ, и ясенъ,
И славы полонъ взоръ его.
И царскій пиръ его прекрасенъ.
При кликахъ войска своего,
Въ шатрѣ своемъ онъ угощаетъ
Своихъ вождей, вождей чужихъ,
И славныхъ плѣнниковъ ласкаетъ,
И за учителей своихъ
Заздравный кубокъ поднимаетъ.

Ѳ. И. Глинка.

СОЛДАТСКАЯ ПѢСНЯ.

Вспомнимъ, братцы, россовъ славу
И пойдемъ враговъ разить!
Защитимъ свою державу:
Лучше смерть, чѣмъ въ рабствѣ жить.

Мы впередъ, впередъ, ребята!
Съ Богомъ, вѣрой и штыкомъ!
Вѣра намъ и вѣрность свята:
Побѣдимъ или умремъ!

Подъ Смоленскими стѣнами,
Здѣсь Россіи у дверей,
Будемъ биться мы съ врагами,
Не пропустимъ мы звѣрей.

Вотъ рыдаютъ наши жены,
Дѣвы, старцы вопіютъ,
Что злодѣи разъяренны
Мечъ и пламень къ нимъ несутъ.

Врагъ строптивый мечетъ громы,
Храмовъ Божьихъ не щадитъ:
Топчетъ нивы, палитъ домы,
Змѣемъ лютымъ въ Русь летитъ.

Русь святую разоряетъ...
Нѣтъ ужъ силъ владѣть собой:
Бранный жаръ въ крови пылаетъ
Сердце просится на бой!

Мы впередъ, впередъ, ребята!
Съ Богомъ, вѣрой и штыкомъ!
Вѣра намъ и вѣрность свята!
Побѣдимъ или умремъ!

А. С. Хомяковъ.

ПРОСЬБА.

О сжальтесь надо мной! О дайте волю мнѣ!
Изъ края дальняго волшебный зовъ несется,
И кровь моя кипитъ, и сердце бурно рвется
Въ тотъ дальній край, къ войнѣ, къ войнѣ!
Вы видите: стремятся ополченья,
И взоры ихъ блестятъ надеждою побѣдъ...
Туда, туда, въ кровавыя сраженья,
Я полечу за ними вслѣдъ.
Противна мнѣ дремота нѣги праздной,
И мирныхъ дней безжизненный покой,
Какъ путь въ степяхъ однообразный,
Какъ гробъ холодный и нѣмой.
Противно мнѣ безумное веселье,
Неупоенныхъ душъ притворное похмѣлье,
И скука вѣчная, и вѣчный переходъ
Младенческихъ забавъ и нищенскихъ заботъ.
О сжальтесь надо мной! Отдайте мечъ блестящій,
Отдайте бодраго и легкаго коня!
Въ тотъ край, куда летитъ мечты порывъ горящій,
Какъ вихрь, какъ мысль онъ унесетъ меня!..
На мигъ одинъ судьбины злой оковы
Рукой я смѣлою расторгъ:
И сердцу памятны сраженій блескъ суровый,
И торжества таинственный восторгъ...

Въ часъ утренней зари, румяной и росистой,
Услышать пушки гласъ, зовущій насъ къ боямъ;

Глядѣть, какъ солнца лучъ златистый,
Играя, блещетъ по штыкамъ;
Какъ вождь сѣдой, отваги юной полный,
На срѣтенье врагамъ ведетъ покорныхъ строй,
И движутся полки, какъ бурь осеннихъ волны;
И чувствовать тогда, что вѣренъ мечъ стальной,
Что длань сильна, что вихремъ конь несется,
Подъ свистомъ пуль средь дыма и огня,
Что сердце гордое въ груди спокойно бьется,
Что этотъ дольній міръ не дорогъ для меня,
Что я могу, съ улыбкою презрѣнья,
На жизнь, на смерть и на судьбу взирать!..
О эти сладкія мгновенья!
Отдайте мнѣ, отдайте ихъ опять!
Я не хочу въ степи земной скитаться
Безъ воли и надеждъ, безвременный старикъ;
Какъ робкая жена, предъ рокомъ не привыкъ
Главой послушной преклоняться,
Внимать, какъ каждый день, и скученъ, и смѣшонъ,
Всѣ тѣ же сказки напѣваетъ,
И тихо душу погружаетъ
Въ какой-то слабоумный сонъ.

Я не рожденъ быть утлою ладьею,
Забытой въ пристани, не знающей морей,
И праздной истлѣвать кормою,
Добычей гнили и червей;
Но я хочу летать надъ бурными волнами
Могучимъ кораблемъ съ дружиной боевой;
Подъ солнцемъ тропика, межъ сѣверными льдами,
Бороться съ бездною и съ дикою грозой;
Челомъ возвышеннымъ встрѣчать ударъ судьбины,

Бродить по области и смерти и чудесъ,
И жадно пить восторгъ, и изъ сѣдой пучины
Крыломъ поэзіи взноситься до небесъ!

О, вотъ онъ, вотъ удѣлъ, давно желанный мною!
Отдайте жъ мнѣ коня, булатъ отдайте мой!
Въ тотъ дальній край я полечу стрѣлою
И ринуся въ кровавый бой.

1828.

А. С. Хомяковъ.

РОССІИ.

Тебя призвалъ на брань святую,
Тебя Господь нашъ полюбилъ,
Тебѣ далъ силу роковую.
Да сокрушишь ты волю злую
Слѣпыхъ, безумныхъ, дикихъ силъ.

Вставай, страна моя родная!
За братьевъ! Богъ тебя зоветъ
Чрезъ волны гнѣвнаго Дуная—
Туда, гдѣ, землю огибая,
Шумятъ струи Эгейскихъ водъ.

Но помни: быть орудьемъ Бога
Земнымъ созданьямъ тяжело;
Своихъ рабовъ Онъ судитъ строго,—
А на тебя — увы! — какъ много
Грѣховъ ужасныхъ налегло!

Въ судахъ черна неправдой черной
И игомъ рабства клеймена,
Безбожной лести, лжи тлетворной,
И лѣни мертвой и позорной,
И всякой мерзости полна!

О недостойная избранья,
Ты избрана! Скорѣй омой
Себя слезою покаянья,
Да громъ двойного наказанья
Не грянетъ надъ твоей главой!

Съ душой колѣнопреклоненной,
Съ главой, лежащею въ пыли,
Молись молитвою смиренной,
И раны совѣсти растлѣнной
Елеемъ плача исцѣли!

И встань потомъ, вѣрна призванью,
И бросься въ пылъ кровавыхъ сѣчъ!
Борись за братьевъ крѣпкой бранью,
Держи стягъ Божій крѣпкой дланью.
Рази мечемъ — то Божій мечъ!

Мартъ 1854.

А. С. Хомяковъ.

РАСКАЯВШЕЙСЯ РОССІИ.

Не въ пьянствѣ похвальбы безумной,
Не въ пьянствѣ гордости слѣпой,
Не въ буйствѣ смѣха, пѣсни шумной,
Не съ звономъ чаши круговой;
Но въ силѣ трезвенной смиренья
И обновленной чистоты,
На дѣло грознаго служенья
Въ кровавый бой предстанешь ты.

О Русь моя! Какъ мужъ разумный,
Сурово совѣсть допросивъ,
Съ душою свѣтлой, многодумной,
Идетъ на Божескій призывъ,
Такъ, исцѣливъ болѣзнь порока
Сознаньемъ, скорбью и стыдомъ,
Предъ міромъ станешь ты высоко
Въ сіяньи новомъ и святомъ!

Иди! Тебя зовутъ народы.
И, совершивъ свой бранный пиръ,
Даруй имъ даръ святой свободы,
Дай мысли жизнь, дай жизни миръ!
Иди! Свѣтла твоя дорога:
Въ душѣ любовь, въ десницѣ громъ,
Грозна, прекрасна—Ангелъ Бога
Съ огнесверкающимъ челомъ!

1854.

Н. М. Языковъ.

ПѢСНЬ БАЯНА ПРИ НАЧАТІИ ВОЙНЫ.

Война, война! Прощай Сіана!
Бойцы шумятъ, бойцы идутъ;
Они товарища баяна
Въ страну далекую зовутъ,—

Туда, гдѣ бранные пожары
Дунайски волны озарятъ,
Гдѣ смертоносные удары
О шлемы грековъ зазвенятъ.

Съ врагомъ сражаяся, какъ дѣды,
Рукой и сердцемъ славянинъ,
Я наши стану пѣть побѣды
И смѣлость князя и дружинъ.

И твой баянъ, пируя славу,
Подъ мѣдью латъ дыша тобой,
Самъ повторю я Святославу,
Что пѣлъ Сіанѣ молодой.

Промчится буря боевая,
Войдетъ въ ножны булатъ бойца—
И дѣва, сердцемъ оживая,
Обниметъ вѣрнаго пѣвца.

Н. М. Языковъ.

ТОВАРИЩУ (А. Н. Вульфу).

Прощай! Неси на поле чести
Отваги юношеской жаръ,
Сердечный гласъ вражды и мести
И неизбѣжный твой ударъ;
За Русь, товарищъ, за свободу
Эллады пламенныхъ сыновъ,
На громъ бойницъ, въ огонь и въ воду
Пойдешь ты силенъ и суровъ!

Блаженъ, кто гнѣвомъ упоенный
Гулялъ на праздникѣ мечей,
И вырвалъ дланью вдохновенной
Побѣду родинѣ своей.
Свѣтла кончина боевая;
Блаженъ, кто очи затворилъ,
Послѣднимъ взоромъ провожая
Побѣгъ и казнь противныхъ силъ!

Уже зардѣлась величаво
Высокихъ подвиговъ заря,
Шумятъ Суворовскою славой
Знамена Русскаго Царя.
Да вновь страшилищу Стамбула
Напомиятъ наши торжества
Пожаръ Чесмы, чугунъ Кагула,
И Руси грозныя права!

Дай руку мнѣ: во дни былые,
Въ кругу внимательныхъ друзей,
Я воспѣвалъ пиры лихіе
Кипучей младости твоей;
Я стану пѣть твои побѣды,
Восторгомъ веселъ огневымъ,
И бурной юности бесѣды
Наполню именемъ твоимъ!

Баронъ А. А. Дельвигъ.

„Сегодня я съ вами пирую, друзья,
Веселье намъ пѣсни заводитъ,
А завтра, быть можетъ, тамъ буду и я,
Откуда никто не приходитъ!

Я такъ беззаботнымъ друзьямъ говорилъ
Давно—но отъ самаго дѣтства
Печаль въ безпокойномъ я сердцѣ таилъ
Предвѣстьемъ грядущаго бѣдства.

Друзья мнѣ смѣялись и, свѣжій вѣнецъ
На кудри мои надѣвая:
„Стыдись“, восклицали, „мечтатель-пѣвецъ!
Измѣнитъ ли жизнь молодая!“

Война запылала, къ роднымъ знаменамъ
Друзья, какъ на пиръ, полетѣли:
Я съ ними—но жребьи, враждебные намъ,
Мнѣ съ ними разстаться велѣли.

Въ бездѣйствіи тяжкомъ я думой слѣдилъ
Ихъ битвы, предтечи побѣды;
Ихъ славою часто я первый живилъ
Родителей грустныхъ бесѣды.

Года пролетали, я часто въ слезахъ
Былъ черной повязкой украшенъ...
Брань стихла, гдѣ-жъ други—лежатъ на поляхъ,
Близъ ими разрушенныхъ башенъ.

Съ тѣхъ поръ я печально сижу на пирахъ,
Гдѣ все мнѣ твердитъ про былое;
Дрожитъ моя чаша въ ослабшихъ рукахъ:
Мнѣ тяжко веселье чужое.

Баронъ А. А. Дельвигъ.

Что вдали блеснуло и дымится,
Что за громъ раздался по заливу?
Подо мной конь вздрогнулъ, поднялъ гриву,
Звонко ржетъ, грызетъ узду, бодрится.

Снова блескъ...громъ, грянувъ, долго длится,
Отданный прибрежному отзыву...
Зевсъ ли то, гремя, летитъ на ниву,
И она, роскошная, плодится?

Нѣтъ, то—флотъ. Вотъ выплыли вѣтрилы,
Притекли, громада за громадой:
Нашъ орелъ надъ русскою армадой

Распростеръ блистательныя крылы
И гласитъ: „Съ кѣмъ испытать мнѣ силы?
Кто дерзнетъ и станетъ мнѣ преградой?"

И. И. Козловъ,

НА ПОГРЕБЕНІЕ АНГЛІЙСКАГО ГЕНЕРАЛА СИРА ДЖОНА МУРА.

Не билъ барабанъ передъ смутнымъ полкомъ,
Когда мы вождя хоронили,
И трупъ не съ ружейнымъ прощальнымъ огнемъ
Мы въ нѣдра земли опустили.
И бѣдная почесть въ ночи отдана:
Штыками могилу копали...
Намъ тускло свѣтила въ туманѣ луна,
И факелы дымно сверкали.
На немъ не усопшихъ покровъ гробовой,
Лежитъ не въ досчатой неволѣ:
Обернутъ въ широкій свой плащъ боевой,
Уснулъ онъ, какъ ратники, въ полѣ.
Не долго, но жарко молилась Творцу
Дружина его удалая,
И молча смотрѣла въ лицо мертвецу,
О завтрашнемъ днѣ помышляя.
Быть можетъ, на утро внезапно явясь,
Врагъ дерзкій, надменности полный,
Тебя не уважитъ, товарищъ, а насъ
Умчатъ невозвратныя волны...
О нѣтъ, не коснется въ таинственномъ снѣ
До храбраго дума печали!
Твой одръ одинокій въ чужой сторонѣ
Родимыя руки постлали.

Еще не свершенъ былъ обрядъ роковой—
И часъ наступилъ разлученья.
И съ вала ударилъ перунъ вѣстовой—
Тебѣ онъ не вѣстникъ сраженья.
Прости же, товарищъ! Здѣсь нѣтъ ничего
На память могилы кровавой.
И мы оставляемъ тебя одного
Съ твоею безсмертною славой!

А. Кольцовъ.

ВОЕННАЯ ПѢСНЯ.

(Посвящена князю П. А. Вяземскому).

Затрубили трубы бранныя,
Собралася рать могучая,
Стала грудью противъ недруга—
За царя, за кровь, за родину.

Ты прости теперь, отецъ и мать,
Ты прости теперь, мой милый другъ,
Ты прости теперь, и степь, и лѣсъ,
Дорогая жизнь, весь бѣлый свѣтъ!

Гей, товарищъ мой, желѣзный штыкъ!
Послужи жъ ты мнѣ по-старому:
Какъ служилъ ты при Суворовѣ
Силачу-отцу, дѣду-воину.

Гей, сестра, ты сабля острая!
Попируемъ мы у недруга,
Погуляемъ, съ нимъ потѣшимся,
Выпьемъ браги бусурманскія!..

Ужъ когда мнѣ, добру молодцу,
Присудилъ Богъ сложить голову,—
Не на землю жъ я сложу ее!
А сложить-сложу—на груду тѣлъ...

Труба бранная, военная!
Что молчишь? Труби, дай волю мнѣ:
Въ груди сердце богатырское
Закипѣло, расходилося!

22 августа 1840 г.

М. Ю, Лермонтовъ.

ВОЙНА.

Зажглась, друзья мои, война,
И развились знамена чести;
Трубой завѣтною она
Манитъ въ поля кровавой мести!
Простите, шумные пиры,
Хвалы достойные напѣвы
И Вакха милые дары,
Святая Русь и красны дѣвы!
Забуду я тебя, любовь,
Суетъ и юности отрава,
И полечу свободный вновь
Ловить вѣнокъ небренной славы!

М. Ю. Лермонтовъ.

КАЗАЧЬЯ КОЛЫБЕЛЬНАЯ ПѢСНЯ.

Спи, младенецъ мой прекрасный,
Баюшки-баю.
Тихо смотритъ мѣсяцъ ясный
Въ колыбель твою.
Стану сказывать я сказки,
Пѣсенку спою;
Ты-жъ дремли, закрывши глазки,
Баюшки-баю.

По камнямъ струится Терекъ,
Плещетъ мутный валъ;
Злой чеченъ ползетъ на берегъ,
Точитъ свой кинжалъ;
Но отецъ твой—старый воинъ,
Закаленъ въ бою.
Спи, малютка, будь спокоенъ,
Баюшки-баю.
Самъ узнаешь—будетъ время—
Бранное житье;
Смѣло вдѣнешь ногу въ стремя
И возьмешь ружье.
Я сѣдельце боевое
Шелкомъ разошью...
Спи, дитя мое родное,
Баюшки-баю.
Богатырь ты будешь съ виду
И казакъ душой.
Провожать тебя я выйду—
Ты махнешь рукой...
Сколько горькихъ слезъ украдкой
Я въ ту ночь пролью!..
Спи, мой ангелъ, тихо, сладко,
Баюшки-баю.
Стану я тоской томиться,
Безутѣшно ждать;
Стану цѣлый день молиться,
По ночамъ гадать;
Стану думать, что скучаешь
Ты въ чужомъ краю...
Спи-жъ, пока заботъ не знаешь,
Баюшки-баю.

Дамъ тебѣ я на дорогу
Образокъ святой:
Ты его, моляся Богу,
Ставь передъ собой;
Да, готовясь въ бой опасный,
Помни мать свою...
Спи, младенецъ мой прекрасный,
Баюшки-баю.

М. Ю. Лермонтовъ.

СОНЪ.

Въ полдневный жаръ, въ долинѣ Дагестана,
Съ свинцомъ въ груди лежалъ недвижимъ я;
Глубокая еще дымилась рана,
По каплѣ кровь сочилася моя.
Лежалъ одинъ я на пескѣ долины;
Уступы скалъ тѣснилися кругомъ,
И солнце жгло ихъ желтыя вершины,
И жгло меня,—но спалъ я мертвымъ сномъ.
И снился мнѣ сіяющій огнями
Вечерній пиръ въ родимой сторонѣ;
Межъ юныхъ женъ, увѣнчаныхъ цвѣтами,
Шелъ разговоръ веселый обо мнѣ.
Но, въ разговоръ веселый не вступая,
Сидѣла тамъ задумчиво одна,
И въ грустный сонъ душа ея младая
Богъ знаетъ чѣмъ была погружена.

И снилась ей долина Дагестана...
Знакомый трупъ лежалъ въ долинѣ той,
Въ его груди, дымясь, чернѣла рана,
И кровь лилась хладѣющей струей...

М. Ю. Лермонтовъ.

БѢГЛЕЦЪ.

„Мѣсяцъ плыветъ,
И тихъ и спокоенъ,
А юноша-воинъ
На битву идетъ.
Ружье заряжаетъ джигитъ,
И дѣва ему говоритъ:
„Мой милый, смѣлѣе
Ввѣряйся ты року;
Молися Востоку,
Будь вѣренъ Пророку,
Будь славѣ вѣрнѣе.
Своимъ измѣнившій
Измѣной кровавой,
Врага не сразивши,
Погибнетъ безъ славы;
Дожди его ранъ не обмоютъ,
И звѣри костей не зароютъ.
Въ горахъ никого нѣтъ,
Кто-бъ вынесъ позоръ,—
И труса прогонитъ
Красавица горъ!“

М. Ю. Лермонтовъ.

ИЗЪ ИЗМАИЛА-БЕЯ.

И дики тѣхъ ущелій племена,
Имъ богъ — свобода, ихъ законъ — война;
Они растутъ среди разбоевъ тайныхъ,
Жестокихъ дѣлъ и дѣлъ необычайныхъ.
Тамъ въ колыбели пѣсни матерей
Пугаютъ русскимъ именемъ дѣтей;
Тамъ поразить врага—не преступленье;
Вѣрна тамъ дружба, но вѣрнѣе мщенье;
Тамъ за добро — добро, и кровь — за кровь,
И ненависть безмѣрна, какъ любовь.

Я доскажу! Кто съ гордою душою
Родился, тотъ не требуетъ вѣнца;
Любовь и пѣсни—вотъ вся жизнь пѣвца;
Безъ нихъ она пуста, бѣдна, уныла,
Какъ небеса безъ тучъ и безъ свѣтила!...

Черкесъ удалый въ битвѣ правой
Умѣетъ умереть со славой,
И у жены его младой
Спаситель есть—кинжалъ двойной
И страхъ насильства и могилы.

Мила черкесу тишина,
Мила родная сторона,
Но вольность, вольность для героя
Милѣй отчизны и покоя!

Война! знакомый людямъ звукъ
Съ тѣхъ поръ, какъ братъ отъ братнихъ рукъ
Предъ алтаремъ погибъ невинно...
Гремя, черезъ Кавказъ пустынный
Промчался кликъ: „Война! война!“
И пробудились племена,
Умолкъ аулъ, гдѣ беззаботно
Недавно слушали пѣвца;

Смотри, какъ всякій биться радъ
За дѣло чести и свободы!...
Такъ точно было въ наши годы...

М. Ю. Лермонтовъ.

Въ рядахъ мы стояли безмолвной толпой,
Когда хоронили мы друга;
Лишь попъ полковой бормоталъ—и порой
Ревѣла осенняя вьюга.
Кругомъ кивера надъ могилой святой
Недвижны въ туманѣ сверкали;
Уланская шапка да мечъ боевой
На гробѣ досчатомъ лежали.
И билося сердце въ груди не одно,
И въ землю всѣ очи смотрѣли,—
Какъ-будто бы все, что ужъ ей отдано,
Они у ней вырвать хотѣли.
Напрасныя слезы изъ глазъ не текли,
Тоска наши души сжимала,
И горсть роковая прощальной земли,
Упавши на гробъ, застучала.

Прощай, нашъ товарищъ! Недолго ты жилъ,
Пѣвецъ съ голубыми очами,
Лишь крестъ деревянный себѣ заслужилъ
Да вѣчную память межъ нами.

М. Ю. Лермонтовъ.

ИЗЪ ПОЭМЫ „ВАЛЕРИКЪ".

Разъ—это было подъ Гехами—
Мы проходили темный лѣсъ.
Огнемъ дыша, пылалъ надъ нами
Лазурно-яркій сводъ небесъ.
Намъ былъ обѣщанъ бой жестокій.
Изъ горъ Ичкеріи далекой
Уже въ Чечню на бранный зовъ
Толпы стекались удальцовъ.
Надъ допотопными лѣсами
Мелькали маяки кругомъ,
И дымъ ихъ то вился столбомъ,
То разстилался облаками;
И оживилися лѣса:
Скликались дико голоса
Подъ ихъ зелеными шатрами...
Едва лишь выбрался обозъ
Въ поляну—дѣло началось.
Чу! въ арьергардъ орудье просятъ;
Вотъ ружья изъ кустовъ выносятъ,
Вотъ тащатъ за ноги людей
И кличутъ громко лѣкарей...

И вотъ изъ лѣса, изъ опушки,
Вдругъ съ гикомъ кинулись на пушки...
И градомъ пуль съ вершинъ деревъ
Отрядъ осыпанъ... Впереди же
Все тихо... Тамъ, между кустовъ
Бѣжалъ потокъ; подходимъ ближе;
Пустили нѣсколько гранатъ;
Еще подвинулись... молчатъ...
Но вотъ подъ бревнами завала
Ружье какъ будто заблистало,
Потомъ мелькнуло шапки двѣ —
И вновь все спряталось въ травѣ.
То было грозное молчанье!..
Не долго длилося оно,
Но въ этомъ страшномъ ожиданьѣ
Забилось сердце не одно.
Вдругъ залпъ... глядимъ: лежатъ рядами...
Что нужды?—Здѣшніе полки
Народъ испытанный... „Въ штыки!..
Дружнѣе!"—раздалось за нами.
Кровь загорѣлася въ груди!
Всѣ офицеры впереди...
Верхомъ помчался на завалы,
Кто не успѣлъ спрыгнуть съ коня...
Ура!—и смолкло.—„Вонъ кинжалы!..
Въ приклады!"—и пошла рѣзня.
И два часа въ струяхъ потока
Бой длился; рѣзались жестоко,
Какъ звѣри, молча, съ грудью грудь;
Ручей тѣлами запрудили.
Хотѣлъ воды я зачерпнуть..
(И зной и битва утомили

Меня)—но мутная волна
Была тепла, была красна...
На берегу, подъ тѣнью дуба,
Пройдя заваловъ первый рядъ,
Стоялъ кружокъ. Одинъ солдатъ
Былъ на колѣняхъ; мрачно, грубо
Казалось выраженье лицъ,
Но слезы капали съ рѣсницъ,
Покрытыхъ пылью. На шинели,
Спиною къ дереву, лежалъ
Ихъ капитанъ. Онъ умиралъ:
Въ груди его едва чернѣли
Двѣ ранки; кровь его чуть-чуть
Сочилась, но высоко грудь
И трудно подымалась; взоры
Бродили страшно; онъ шепталъ:
„Спасите, братцы! тащатъ въ горы!..
Постойте! гдѣ же генералъ?..
Не слышу"... Долго онъ стоналъ,
Но все слабѣй, и понемногу
Затихъ—и душу отдалъ Богу.
На ружья опершись, кругомъ
Стояли усачи сѣдые
И тихо плакали... Потомъ
Его останки боевые
Накрыли бережно плащемъ
И понесли... Тоской томимый
Имъ вслѣдъ смотрѣлъ я, недвижимый.
Уже затихло все, тѣла
Стащили въ кучу, кровь текла
Струею дымной по каменьямъ,—

ьемъ

Былъ полонъ воздухъ. Генералъ
Сидѣлъ въ тѣни на барабанѣ
И донесенья принималъ.
Окрестный лѣсъ, какъ бы въ туманѣ,
Синѣлъ въ дыму пороховомъ,
А тамъ, вдали, грядой нестройной,
Но вѣчно гордой и спокойной,
Въ своемъ нарядѣ снѣговомъ
Тянулись горы, и Казбекъ
Сверкалъ главой остроконечной.
И съ грустью тайной и сердечной
Я думалъ: жалкій человѣкъ...
Чего онъ хочетъ?.. Небо ясно,
Подъ небомъ мѣста много всѣмъ,—
Но безпрестанно и напрасно
Одинъ враждуетъ онъ... Зачѣмъ?...

ВЕЛИКАЯ ПАНИХИДА.

1812 годъ.

Не отъ ливня, не отъ града,
И залиты, и побиты
Полегли хлѣба на полѣ:
То подъ матушкой Москвою,
По доламъ и по равнинамъ,
Много храбрыхъ ратей русскихъ
И французскихъ полчищъ много
Ко сырой землѣ приникло,
Переколотыхъ, побитыхъ
Палашами и штыками,
И дождемъ и пуль, и ядеръ...

Дѣти матери великой,
Милой родины защита.
Доброму царю радѣльцы!
За любовь, за жертвы ваши,
Что вы душу положили
За народъ свой и за землю,
Въ память вѣчную вамъ, братья,
Мы отпѣли панихиду,
И такую панихиду,
Что не видано на свѣтѣ
И не слыхано донынѣ!..

Но за всѣхъ васъ, славно павшихъ,
Свѣчъ у насъ не доставало,
Воску вдоволь не хватало:
И подъ небомъ, храмомъ Божьимъ,
Мы зажгли отъ всей Россіи
Лишь одну свѣчу большую—
Матушку-Москву родную,
Чтобы та свѣча горѣла
Вамъ за упокой душевный,
А врагамъ на посрамленье!..

Я. П. Полонскій.

ВЛОЖИ СВОЙ МЕЧЪ.

(Нѣмецкому народу).

Не даромъ создалъ ты порядокъ полный силъ
И воспиталъ въ себѣ отвагу:
Твой врагъ, какъ плѣнникъ,—отдалъ шпагу,
Какъ императоръ—скиптръ уронилъ;
Во всеоружіи ты всталъ и отрезвилъ
Войнолюбивое, слѣпое племя,
И опасенія свои угомонилъ:
Такъ, совершилъ ты все, что подсказало время.
Довольно! зло войны должно имѣть предѣлъ...
И если слава—твой удѣлъ,
Ты будешь истинно великою державой,
Гнушаясь варварскою славой
Надъ пепломъ городовъ, среди кровавыхъ тѣлъ...
„Довольно!!" говорили мы,
Съ младенчества тобой повитые умы,
Недальновидные сосѣди,—
„Довольно пороху, каленой стали, мѣди,
Свинцу и чугуна,—ихъ гулъ, ихъ дымъ и громъ
Сливаетъ рѣки слезъ съ побѣднымъ торжествомъ;
Твои трофеи—символы печали,
Тоски и ужасовъ".—„Довольно!"—восклицали
Всѣ, для которыхъ идеалъ—
То человѣчности,—то правды,—то свободы—
Ты такъ роскошно въ блескъ и звуки облекалъ,
Когда къ лобзанью призывалъ

Устами Шиллера весь міръ и всѣ народы.

. . . .

Все измѣнилось!—

Юноши твои

Уже не жаждутъ міровой любви,

Искусство ихъ—военное искусство...

(Наука съ увлеченьемъ пушки льетъ...)

. . . .

И тотъ лишь у тебя великій патріотъ,

Кто, изъ презрительнаго чувства

Къ другимъ народамъ,—говоритъ,

Что самъ Господь тебѣ велитъ

Востокъ и Западъ онѣмечить!

. . . .

Съ почетомъ принялъ ты подъ свой покровъ того,
Кто могъ—и смѣлъ тебѣ недавно поперечить,
Кто думалъ произволъ собой увѣковѣчить
И палъ отъ произвола своего,—
Съ почетомъ принялъ—и, клевретами его
Обезоруженный, народъ пошелъ калѣчить.
Вѣнчая славою безнравственный успѣхъ,
Инстинктамъ дикаря послушенъ,
Теперь ты, какъ палачъ, стоишь въ виду у всѣхъ,
И къ воплямъ жертвы равнодушенъ.
Ты ей на горло наступилъ,
Ты въ ней одобрилъ духъ измѣны,
Ты, какъ на плахѣ, раздробилъ
Ея трепещущіе члены...
На мертвыя тѣла женъ, стариковъ, дѣтей
Косясь, внесешь ли ты въ Парижъ грабежъ повальный,
Или почтишь ихъ тризной погребальной
И лицемѣрный гимнъ споешь Царю царей?!..

О, просвѣщеннѣйшій народъ!
О, нашъ великій просвѣтитель!
Знай, если Франція падетъ,—
Съ ея могилы встанетъ мститель.
Онъ проскользнетъ къ тебѣ, какъ змѣй,
Онъ дастъ тебѣ понять всю силу
Полураздавленныхъ идей,
Непомѣстившихся въ могилу...
Онъ, Немезида нашихъ дней,
Тебѣ, –едва лишь изъ трофеевъ
Ты выкроишь вѣнки для всѣхъ своихъ страстей,—
Руками тысячи пигмеевъ
Разставитъ тысячи сѣтей...
И если ты хоть это знаешь,
Свои надежды возлагаешь
На мудрость собственныхъ дѣтей,—
Чтобъ эта мудрость не зачахла,
Скорѣй вложи твой мечъ и руку ту отмой,
Которая грозой пороховой,—
Кровавымъ запахомъ пропахла...

Я. П. Полонскій.

НА ЧЕРНОМЪ МОРѢ.

Отраднѣй сна, товарищъ мой,
Мнѣ побесѣдовать съ тобой:
Сердитый валъ къ намъ въ люки бьетъ;
Фонарь скрипитъ надъ головой;
И тяжко стонетъ пароходъ,
Какъ умирающій больной.

Ты такъ же раненъ, какъ и я...
Но эти раны жгутъ меня
И въ то же время холодятъ:
Не спасъ меня хирурга ножъ!
Но ты моложе, братъ,—
И ты меня переживешь.

Едва ли, впрочемъ, этотъ Крымъ,
И этотъ гулъ, и этотъ дымъ,
И эти кучи смрадныхъ тѣлъ
Забудешь ты когда-нибудь,
Куда бы ты ни полетѣлъ
Душой и тѣломъ отдохнуть.

На лонѣ мира и любви
Ты вспомнишь —ужасъ!—ты въ крови
Топталъ товарищей своихъ,
Ты слышалъ ихъ предсмертный хрипъ,
Ты, раненый, близъ ранъ моихъ
Лежалъ, страдалъ и не погибъ.

Какой цѣной, ты вспомнишь, братъ,
Купили мы развалинъ рядъ!
Для человѣческихъ ушей
Громъ неестественный гремѣлъ,
Когда мы лѣзли изъ траншей
На валъ, скользя по грудамъ тѣлъ.

Но грянулъ взрывъ—послѣднiй взрывъ...
И я безъ чувствъ упалъ въ обрывъ,
Когда жъ очнулся... Боже мой!
Какая тишь была вокругъ!

И страшенъ городъ былъ нѣмой,
И страшно нѣмъ былъ мой испугъ.

Стѣна была обагрена...
Дымъ застилалъ, какъ пелена,
Небесный сводъ—и отъ земли
Тяжелый поднимался паръ...
Вдали пылали корабли,
И отражалъ заливъ пожаръ.

Ликуйте, гордые умы!
Могилу храбрыхъ взяли мы...
Коварной славы сладкій дымъ,
Ты горекъ намъ, ты дорогъ намъ!
Но фиміамъ необходимъ
Кумиру и его жрецамъ.

Когда ты снова посѣтишь
Нашъ императорскій Парижъ,
Смутитъ тебя побѣдный крикъ,
Какъ пляска послѣ похоронъ,
Какъ сумасшедшаго языкъ,
Какъ смѣхъ, въ которомъ слышенъ стонъ.

Пускай нашъ новый полубогъ
Внушаетъ славу!.. Я бъ не могъ...
Я для иного былъ рожденъ,
Иныя цѣли смѣлъ таить...
И былъ, какъ бурей, увлеченъ
Туда, гдѣ я не могъ любить,

И гдѣ, казалось бы, не слѣдъ
Мнѣ умереть въ чаду побѣдъ...
Но—умираю... Все, что я
Любилъ когда-то, въ эту ночь
Какъ будто около меня
Стоитъ и не отходитъ прочь.

Я вижу,—вотъ моя семья...
Вотъ мать... вотъ нѣжная моя
Подруга... дѣти... Боже мой!
А это кто!?. Иль это бредъ?..
Какой-то призракъ роковой—
Въ блестящей мантіи скелетъ...

Ужели смерть?.. Зачѣмъ она,
Грозя, кричитъ: „Пылай война!
„Враждуйте, племена всѣхъ странъ!
„Вотъ вамъ республика и тронъ,
„И христіанство и коранъ,
Мадзини и Наполеонъ!“

Скажи, что значу я предъ ней
Со всею гордостью моей?..
Ея десница мнѣ на грудь
Легла,—и я, какъ тряпка, смятъ!
Освободи, братъ! дай вздохнуть!..
А-га! да ты ужъ умеръ, братъ!

Н. А. Некрасовъ.

Внимая ужасамъ войны,
При каждой новой жертвѣ боя
Мнѣ жаль не друга, не жены,
Мнѣ жаль не самого героя...
Увы! Утѣшится жена,
И друга лучшій другъ забудетъ;
Но гдѣ-то есть душа одна—
Она до гроба помнить будетъ!
Средь лицемѣрныхъ нашихъ дѣлъ
И всякой пошлости и прозы,
Однѣ я въ мірѣ подсмотрѣлъ
Святыя, искреннія слезы—
То слезы бѣдныхъ матерей!
Имъ не забыть своихъ дѣтей,
Какъ не поднять плакучей ивѣ
Своихъ поникнувшихъ вѣтвей.

А. Н. Майковъ.

1854 ГОДЪ.

I.

Бывало, уловить изъ жизни мигъ случайный
И въ стихъ его облечь—блаженство для меня!
Меня гармоніи тогда плѣняли тайны,
И самъ своихъ стиховъ заслушивался я.
Я ими тѣшился, ихъ мѣрно повторяя
Украдкой, какъ скупецъ, который по ночамъ,
Червонцы по столу горстьми пересыпая,
Какъ бы невѣдомымъ внимаетъ голосамъ.

Теперь не служитъ стихъ мнѣ праздною забавой.
Онъ рвется изъ души, какъ откликъ боевой,
На зовъ торжественный отечественной славы.
Широкій горизонтъ открытъ передо мной.
Рукою вѣрною берусь теперь за лиру,
И, обновленная, привѣтствуетъ она
Намъ новыхъ дней зарю... Ударила война,
Россія вызвана на созерцанье міру,
На судъ Исторіи: міръ гордый да пойметъ,
Что тотъ же мощный духъ и доблесть въ насъ живетъ,
Которые мы чтить умѣемъ въ иностранцахъ—
Въ защитникахъ Креста, въ римлянахъ и спартанцахъ!

Благодарю Тебя, Творецъ, благодарю,
Что мы не скованы лжемудростію узкой!
Что съ гордостью я всѣмъ сказать могу: я—русскій!

Что пламенемъ однимъ съ Россiей я горю,
Что слезная о ней въ душѣ моей забота,
Что тотъ же мощный вѣтръ расправилъ парусъ мой,
Которымъ движимы неслися подъ грозой
Громады кораблей Нахимовскаго флота!

7 декабря 1854 г.

А. Н. Майковъ.

МОЛИТВА.

Шла туча съ запада, другая отъ востока.
Сошлись, ударились: гремитъ въ раскатахъ громъ,
И свищетъ молнія—и на землѣ кругомъ
И звѣрь и человѣкъ замолкъ въ тоскѣ глубокой.
Лишь пастырь душъ одинъ, грозою осіянъ,
Подъемлетъ длань къ тому, кто властвуетъ вселенной,
Колеблетъ твердь земли и движетъ океанъ.
Одинъ онъ, мудростью библейской просвѣтленный,
Смиренно молится: да судъ свершится Твой,
И міръ, десницею Твоею обновленный,
Возблещетъ радостнѣй! Твоя намъ скрыта цѣль,
Но благъ еси, Господь! Долинамъ шлешь Ты грозы—
Да утучняются! Даешь Ты людямъ слезы—
Да перстъ познаютъ Твой! Кровавую купель
Народамъ—да ярмо грѣховное съ нихъ канетъ,
И новый человѣкъ изъ стараго возстанетъ!

1854

А. Н. Майковъ.

ПЕРЕДЪ ВОЙНОЙ.

„По мѣстамъ! По мѣстамъ!“—грозный окликъ идетъ...
Поднялся старый нашъ воевода,
Поднялся и надъ Русью летитъ и зоветъ,
И всѣ чуютъ—идетъ, знать, невзгода!
„По мѣстамъ! По мѣстамъ!—воевода зоветъ:—
Всякъ радѣй государеву дѣлу—
Вѣру твердý держи, совѣсть чисту и бѣлу,
Ибо часъ настаетъ, настаетъ!..
Врагъ могучъ и хитеръ! По мѣстамъ, по мѣстамъ!
И насторожѣ око и ухо:
Бой повсюду пойдетъ, по землѣ, по морямъ,
И въ невидимой области духа“.

Л. А. Мей.

СОЮЗНИКАМЪ.

Вы говорите: „Нѣтъ! Мы не желаемъ брани;
Мы неповинны въ пролитой крови;
Мы огнь и мечъ внесли въ чужія грани
Во имя мира и любви!
Насъ не смутятъ неправые упреки:
Въ союзъ вступили мы, чтобъ положить конецъ
Преобладанію Россіи на Востокѣ,
На Портѣ поддержать колеблемый вѣнецъ
И доказать забывшейся Россіи,
Что ей дорога къ Византіи
Отнынѣ будетъ заперта
Соединенной волею Европы!"

Постыдна ваша ложь, сквернящая уста,
Еще постыднѣй ваши скопы,
Великодушные союзники луны,
Достойные поборники ислама!
Вы лжете, говоря: „мы не хотимъ войны!"
Вы вызвали ее путемъ грѣха и срама—
Обманомъ, хитростью, посольской клеветой,
Сокрытой завистью и явною враждой.
Не за вѣнецъ враговъ креста—султановъ,
Не за воздвигнутый на трупахъ грековъ тронъ
И равновѣсія непризнанный законъ
Охотой стали вы подъ знамя оттомановъ—
О, нѣтъ! Корысть и жажда зла
Въ насильственный союзъ васъ вовлекла.

Сознайтесь: васъ Россіи сила
И раздражала и страшила,
И вы искали съ давнихъ поръ
Начать неправедный раздоръ?
И вотъ,—когда, во имя правъ священныхъ,
Добытыхъ русской кровью встарь,
Вступился русскій государь
За одновѣрцевъ угнетенныхъ,
И православную святыню алтаря
Прикрылъ щитомъ отъ дерзкихъ посягательствъ,
Вы обвинили русскаго царя,
Безъ всякихъ правъ, безъ всякихъ доказательствъ.
Вы возгласили яростно съ трибунъ,
Что сѣверный колоссъ всевластьемъ угрожаетъ;
Что вамъ и долгъ и честь повелѣваетъ
У русскаго орла сломить въ когтяхъ перунъ;
Что громами побѣдными Синопа
Потрясена болѣзненно Европа;
Что, ради общаго спокойствія, она
Должна начать войну...
И началась война.

Ликуйте же! Теперь вамъ не къ чему лукавить
И правду возводить тайкомъ на эшафотъ,
И вашъ обманутый народъ
Газетной клеветой дразнить или забавить.
Вы смѣло можете преслѣдовать теперь
Свои корыстныя, таинственныя цѣли:
Толпы отъ крови охмѣлѣли
И обезумѣли, какъ звѣрь.
Просите же скорѣй, по пунктамъ, въ договорѣ,
Чтобы Россія разрѣшила вамъ

Свободу плаванья въ старинномъ Русскомъ морѣ,
Постройку крѣпостей по русскимъ берегамъ,
На устьѣ ветхаго, завѣтнаго Дуная,
Что льется и звучитъ, отъ края и до края,
Широкой пѣснею по всей святой Руси.
Просите! Кто стѣснитъ васъ въ просьбахъ? Не
Европа-ль?
Европа вѣдь за васъ!.. Ты, Англія, проси,
Чтобъ срыли наконецъ досадный Севастополь,
Съ твоей политикой несовмѣстимый фортъ,
И обратили бы его въ торговый портъ
При англійской таможнѣ и конторѣ.,.
Все можно требовать въ побѣдномъ договорѣ...

О жалкій сонмъ политиковъ слѣпыхъ!
Мечтать, что отъ своихъ преданій вѣковыхъ
Россія православная отступитъ
И шаткій миръ цѣной позорной купитъ,
Заранѣй трепеща пловучихъ батарей
И африканскихъ батальоновъ!..
Предположить, что сорокъ милліоновъ,
Всѣ—богатырь въ богатыря,
Всѣ—дѣти бѣлаго царя,
Всѣ—кровные по духу и по плоти,
Забывъ завѣтъ своихъ отцовъ,
Исполнятъ волю горсти пришлецовъ,
Засѣвшихъ по траншеямъ и на флотѣ!..
Надѣяться, что русскій государь,
Державный стражникъ русской славы,
Не соблюдетъ своей державы,
Не охранитъ святой алтарь
И, защищая церковь Божью,

Не покоритъ себѣ къ подножью
Исчадье темныхъ силъ, раздоръ,
И всякаго врага и супостата!..
— Безуміе!—
Вы вспомните: когда-то
Европа вторглась въ Русь и вынесла позоръ.
Но въ ту годину славная Россія
Пытала только крылья молодыя...
Теперь на что надѣетеся вы?
На храбрость вашихъ войскъ? Но каждый русскій воинъ
Въ бою не только храбръ, безтрепетно-спокоенъ,
Затѣмъ, что онъ вездѣ, отъ береговъ Невы
До Севастополя, стоитъ за Русь и вѣру,
Не за журнальную химеру,
Не за киченія палатъ
И не за выгоды продажныхъ лихоимцевъ,
Презрѣнныхъ торгашей, иль смѣлыхъ проходимцевъ.
Надѣетеся вы на мощь своихъ армадъ?
Но пресловутыя армады
Доселѣ нанесли не много намъ вреда:
Сожгли одни пустые города,
Да магазины хлѣбные и склады,
А передъ русскими твердынями стоятъ
Или безвредно, иль безгласно,
И лишь въ газетахъ намъ опасна
Немолчная гроза трехдневныхъ канонадъ.
О! на газетныя угрозы вы не скупы!..
Но сосчитайте ваши трупы,
Но оглянитеся на слезы вдовъ, сиротъ,
На кровь невинную, что къ Богу вопіетъ,
И отвѣчайте намъ: на что вы разсчитали,
Начавъ всеобщую борьбу?

Зачѣмъ народа бѣднаго судьбу
Съ корыстнымъ произволомъ сочетали?
Вы скажете, что вы, смиривъ воинскій жаръ,
Готовите въ тиши рѣшительный ударъ,
Но для него еще донынѣ
Часъ Божьей воли не насталъ?
Вы правы: васъ Господь еще не покаралъ:
Онъ—для того, чтобы въ своей гордынѣ
Заблудшійся народъ раскаяться возмогъ,—
Удерживаетъ громъ въ карающей десницѣ...

— Но... разумѣйте же, языци,
И покоряйтесь: съ нами Богъ!

6 іюля 1855 г.

П. А. Кусковъ.

СЕБѢ.

Летѣли ядра въ нихъ съ твердынь несчетнымъ градомъ;
Дымъ, смерть, огонь: тутъ жизнь была кромѣшнымъ
адомъ;
Но съ громомъ музыки они на это шли;
Разбитые ряды въ безмолвіи смыкали;
На солнцѣ ихъ штыки горѣли моремъ стали:—
Какъ Божій приговоръ съ собой они несли!
И въ облачныхъ столбахъ изъ персти раскаленной
Сверкали весело ихъ бодрыя знамена.

РАЗСВѢТЪ.

Не въ первый разъ кричитъ пѣтухъ;
Кричитъ онъ живо, бодро, смѣло.
Ужъ мѣсяцъ на небѣ потухъ,
Струя въ Босфорѣ заалѣла.

Еще молчатъ колокола,
А ужъ Востокъ заря румянитъ:
Ночь безконечная прошла,
И скоро свѣтлый день настанетъ.

Вставай же, Русь! Ужъ близокъ часъ!
Вставай Христовой службы ради!
Ужъ не пора-ль, перекрестясь,
Ударить въ колоколъ въ Царьградѣ?

Раздайся, благовѣстный звонъ,
И весь Востокъ имъ огласися!
Тебя зоветъ и будитъ онъ!
Вставай, мужайся, ополчися!

Въ доспѣхи вѣры грудь одѣнь,
И съ Богомъ, исполинъ державный!...
О, Русь, великъ грядущій день,
Вселенскій день и православный!

Ѳ. И. Тютчевъ.

Теперь тебѣ не до стиховъ,
О слово Русское, родное!
Созрѣла жатва, жнецъ готовъ,
Настало время неземное...

Ложь воплотилася въ булатъ;
Какимъ-то Божьимъ попущеньемъ
Не цѣлый міръ, но цѣлый адъ
Тебѣ грозитъ ниспроверженьемъ...

Всѣ богохульные умы,
Всѣ богомерзкіе народы,
Со дна воздвиглись царства тьмы
Во имя свѣта и свободы!

Тебѣ они готовятъ плѣнъ,
Тебѣ пророчатъ посрамленье,
Ты — лучшихъ, будущихъ временъ
Глаголъ, и жизнь, и просвѣщенье!

О, въ этомъ испытаньи строгомъ,
Въ послѣдней, въ роковой борьбѣ,
Не измѣни же ты себѣ
И оправдайся передъ Богомъ...

Декабрь 1854.

Ѳедоръ Сологубъ.

ВРЕМЯ БИТВЫ.

Наше злое время — время лютой битвы.
Прочь кимвалъ и лиру! гимновъ не просите,
Золотыя струны на псалтири рвите!
Ненавистны пѣсни, не къ чему молитвы.

О щиты мечами гулко ударяя,
Дружно повторяйте кличъ суровой чести,
Кличъ, въ которомъ слышенъ голосъ кровной мести,
Кличъ, въ которомъ дышетъ сила огневая.

Пѣсни будутъ спѣты только послѣ боя,
Въ лагерѣ побѣды, — тамъ огни зажгутся,
Тамъ съ гремящей лиры звуки понесутся,
Тамъ польется пѣсня въ похвалу героя.

Надъ тѣлами жъ мертвыхъ, ночью послѣ сѣчи,
Будетъ пѣть да плакать только вѣтеръ буйный
И, плеща волною рѣчки тихоструйной,
Поведетъ съ лозою жалобныя рѣчи.

1904 г.

Өедоръ Сологубъ.

НА НАЧИНАЮЩАГО БОГЪ.

На начинающаго Богъ!
Вѣщанью мудрому повѣрьте.
Кто шлетъ сосѣдямъ злыя смерти,
Тотъ самъ до срока изнемогъ.

На начинающаго Богъ!
Его твердыни станутъ пылью,
И обречетъ Господь безсилью
Его, зачинщика, тревогъ.

На начинающаго Богъ!
Его кулакъ въ бронѣ желѣзной,
Но разобьется онъ надъ бездной
О нашъ незыблемый чертогъ.

Іюль 1914.

Өедоръ Сологубъ.

ИМЕНИ ТВОЕМУ.

Еще сражаться надо много,
И многимъ храбрымъ умирать,
Но все-жъ у нашего порога
Чужая разобьется рать.

Въ побѣду мы смиренно вѣримъ
Не потому, что мы сильнѣй.
Мы нашей вѣрою измѣримъ
Святую правду нашихъ дней.

Когда надъ золотою рожью
Багряные текли ручьи,
Не опозорили мы ложью
Дѣла высокія свои.

Да, не одною сталью бранной
Народъ нашъ защититься могъ:
Онъ — молотъ, Господомъ избранный!
Не въ силѣ, только въ правдѣ Богъ.

Разрушитъ молотъ козни злыя,
Но слава Господу, не намъ,—
Онъ далъ могущество Россіи,
Онъ дастъ свободу племенамъ.

Ѳедоръ Сологубъ.

НА ПОДВИГЪ.

Какой я былъ безсильный!
Никому я не могъ помочь.
На меня тоской могильной
Вѣяла лютая ночь.

Я вышелъ въ ратное поле,
Сражаюсь за святую Русь.
Вся жизнь моя въ Божьей волѣ,
И я ничего не страшусь.

Въ ратномъ полѣ не боится
Тѣло мое трудныхъ дней,
И у сердца не гнѣздится,
Не томитъ его тихій змѣй.

Что мнѣ Господь не судитъ,—
Умру-ли, домой-ли вернусь,
Сердце мое биться будетъ
Любовью къ тебѣ, моя Русь!

Ѳедоръ Сологубъ.

ОБСТРѢЛЯНЪ.

Душа была тревогами томима
До перваго рѣшительнаго дня,
До первой пули, пролетѣвшей мимо,
Пронзившей воздухъ гдѣ-то близъ меня.

Какъ будто въ сердце мнѣ она вонзилась,
Лишь для меня свершая свой полетъ,
И странно все во мнѣ перемѣнилось,
И знаю я, что я уже не тотъ.

И строй природы дивно перестроенъ,
И сталъ инымъ весь образъ бытія,
И гдѣ же мирный я? Я — только воинъ.
Всегда передо мною смерть моя.

Ползетъ ко мнѣ за каждою горою,
И стережетъ меня за каждымъ пнемъ,
И каждый разъ я утренней зарею
Встрѣчаюся какъ бы съ послѣднимъ днемъ.

Все то, что было прежде непонятно,
Здѣсь понялъ я, склонившійся къ ружью;
И потому, сраженный многократно,
Теперь врага безтрепетно убью.

И никогда тоскующая совѣсть
Не будетъ мнѣ когтями сердце рвать,
Хотя бы дѣлъ моихъ отважныхъ повѣсть
Мнѣ правнукамъ пришлося разсказать.

Ѳедоръ Сологубъ.

НЕВѢСТѢ ВОИНЪ.

Не десять солнцъ восходитъ здѣсь надъ нами,
А лишь одно,
И лишь одну прожить подъ небесами
Намъ жизнь дано.

Но если врагъ наполнилъ содроганьемъ
Мой край родной,
Не надо жизни съ милымъ расцвѣтаньемъ
Мнѣ и одной.

И какъ ни плачь, свой взоръ въ часы разлуки
Къ землѣ клоня,
Но не удержатъ ласковыя руки
Твои меня.

Когда къ тебѣ вернусь, меня героемъ
Ты не зови:
Исполнилъ я, стремясь къ жестокимъ боямъ
Завѣтъ любви.

А если я паду за синей далью
Въ чужомъ краю,
Ты повторяй, горда своей печалью:
Сраженъ въ бою.

Ѳедоръ Сологубъ.

У БОСФОРА.

Опять, опять надеждой полны,
Мы снова вѣрою сильны.
Гулливыя, плещитесь, волны!
Свершайтесь, радостные сны!

Грохочутъ пушки у Босфора,
И ужъ свободны станутъ скоро
Пути для нашихъ кораблей
На дали вольныя простора,
На голубую ширь морей,

На то раздолье золотое,
Полдневнымъ солнцемъ залитое,
Вдали отъ сѣверной зимы,
Гдѣ прежде было все чужое,
Гдѣ только гости были мы,—

И наши станутъ шири, дали
И средиземный гулъ волны,
О чемъ такъ долго мы мечтали,
О чемъ намъ снились только сны.

Нѣтъ, пятому не быть столѣтью
Съ тѣхъ поръ, когда на горе намъ
Магометанской сталъ мечетью
Царьградскій и вселенскій храмъ.

Тебѣ, тебѣ, моя Россія,
Въ мечтѣ мерцая ярче звѣздъ,
Юстиніанова Софія
Опять святой подниметъ крестъ,

И древнія воскреснутъ фрески,
Свой свергнувъ известковый плѣнъ,
И расточатся арабески
Въ таинственномъ и ясномъ блескѣ
Съ Софійскихъ озаренныхъ стѣнъ.

Опять святой надеждой полны,
Опять мы вѣрою сильны.
Плещитесь, голубыя волны!
Свершайтесь, радостные сны!

16 марта 1915 г.

Ѳедоръ Сологубъ.

СТАНСЫ ПОЛЬШѢ.

Ты никогда не умирала,—
Всегда плѣнительно жива,
Ты и въ неволѣ сохраняла
Твои державныя права.

Тебя напрасно хоронили,—
Себя сама ты сберегла,
Противоставивъ грозной силѣ
Надежды, пѣсни и дѣла.

Твоихъ поэтовъ, мать родная,
Всегда умѣла ты беречь,
Восторгомъ сердца отвѣчая
На ихъ пророческую рѣчь.

Не заслужили укоризны
Твои сыны передъ тобой,—
Ихъ каждый трудъ былъ для отчизны,
Надъ Вислой, какъ и надъ Невой.

И нынѣ, въ годъ великой битвы,
Не шлю проклятія войнѣ.
Съ твоими и мои молитвы
Соединить отрадно мнѣ.

Не дли ея страданій дольше,—
Молю небеснаго Отца,—
Перемѣни великой Польшѣ
На лавры тернія вѣнца.

Ѳедоръ Сологубъ.

ГЕНРІЕТА.

Генріета, Генріета!
Я зову.
Спряталась-ли гдѣ-то
Ты въ траву?
Стариковъ не видно,
Садъ ихъ нѣмъ,
Домъ,—глядѣть обидно!—
Кѣмъ разрушенъ, кѣмъ?

Генріета, Генріета,
Гдѣ-же ты?
Помнишь это лѣто,
Какъ съ тобою мы гуляли
Въ чистомъ полѣ и сбирали
Тамъ цвѣты?

Гдѣ дорога
Вдаль вела,
У порога
Ты меня ждала,
Такъ свѣтла и весела.

Генріета, Генріета,
Ты была легко одѣта,
Въ бѣлый шелкъ одѣта.
Жемчугъ былъ на шеѣ.
Но твоя краса
Жемчуга милѣе.
Ты безпечно улыбалась,
Звонко, звонко ты смѣялась,
И по вѣтру развѣвалась
За спиной твоя коса.

Ты любила быть простою,
Какъ весна,
Такъ свѣтла душою,
Такъ ясна.

Мы играли,
Мы шутили,
Мы другъ друга догоняли,
И ловили,
И сбирали
Въ это лѣто
Мы цвѣты.
Генріета, Генріета,
Гдѣ-же ты?

Генріета знала
Всѣ дороги, всѣ пути.
Гдѣ и какъ пройти,
Генріета знала.
Ей пруссакъ сказалъ: „Веди!"
Генріета побѣжала
Впереди,
Путь пруссакамъ указала
Подъ шрапнели,
На штыки,
Но убить успѣли
Генріету пруссаки.
Генріета, Генріета,
Если есть у Бога лѣто,
Если есть у Бога рай,
Ты въ раю играй.

П. С. Соловьева (Аллегро).

ЗНАМЯ.

Я видѣлъ, какъ люди предъ знаменемъ шли,
Колѣни склоняли,
И, вставъ просвѣтленные съ темной земли,
Его цѣловали.
Съ тѣхъ поръ нѣтъ мгновенія, когда бъ я забылъ,
Что вѣетъ надъ нами
Таинственнымъ шопотомъ шелковыхъ крылъ
Любимое знамя.
Рукой, какъ желѣзомъ, сжимая древко,
Въ кровавую сѣчу
Иду я свободный, итти мнѣ легко
Страданьямъ на встрѣчу.
И въ часъ, когда смерть мнѣ на сердце падетъ,
Какъ снѣжное пламя,
Къ послѣдней побѣдѣ свершая полетъ,
Предъ вами возставшій мой духъ понесетъ
Священное знамя.

К. Д. Бальмонтъ.

ВОЙНА—НЕ ВРАЖДА.

I.

Мнѣ странно подумать, что трезвые люди
Способны затѣять войну.
Я весь—въ созерцательномъ радостномъ чудѣ,
У ласковой мысли въ плѣну.

Мнѣ странно подумать, что люди враждуютъ,
Я каждому радъ уступить.
Мечты мнѣ смѣются, любовно колдуютъ,
И ткутъ золотистую нить.

Настолько исполненъ я ихъ ароматомъ,
Настолько чужда мнѣ вражда,
Что, если бъ въ сраженіи былъ я солдатомъ,
Спокойно бъ стрѣлялъ я тогда.

Стрѣлялъ бы я мѣтко, изъ честности бранной,
Но вѣрилъ бы въ жизнь глубоко.
Безъ гнѣва, безъ страха, безъ злобы обманной,
Убилъ бы и умеръ легко.

И зналъ бы, убивши, легко умирая,
Что все же мы братья сейчасъ,
Что это ошибка, ошибка чужая
На мигъ затуманила насъ.

„Кто визжитъ, скулитъ, и плачетъ?"
Просвистѣлъ тесакъ.
„Ты, какъ мячъ, и умъ твой скачетъ,
„Ты щенокъ, дуракъ!"

„Кто мѣшаетъ битвѣ честной?"
Крикнуло ружье.
„Мертвый книжникъ, трусъ извѣстный,
„Баба,—прочь ее!"

„Кто поетъ про руки, ноги?"
Грянулъ барабанъ.
„Рабъ проклятый, прочь съ дороги,
„Ты, должно быть, пьянъ!"

Гнѣвной дробью разразился
Грозный барабанъ.
„Если штыкъ о штыкъ забился,
„Штыкъ затѣмъ и данъ!"

Пушки глухо зарычали,
Вспыхнулъ красный свѣтъ,
Жерла жерламъ отвѣчали,
Ясенъ былъ отвѣтъ.

Точно чей-то зовъ съ амвона
Прозвучалъ въ мечтѣ,
И несчетныя знамена
Бились въ высотѣ.

Сильный, бодрый, гордый, смѣлый,
Былъ и я солдатъ,
Шелъ въ безвѣстные предѣлы,
Напрягая взглядъ.

Шло насъ много, пѣли звоны.
Съ неба лили свѣтъ
Милліоны, милліоны
Царственныхъ планетъ.

К. Д. Бальмонтъ.

ПРАЗДНИКЪ КРОВИ.

И Польская, и Русская земля,
И Русскія, и Польскія владѣнья.
Я вижу васъ, родимыя видѣнья,
Тамъ вѣтеръ ходитъ, снѣгомъ шевеля.

Лѣса, болота, долы и поля.
Свиститъ мятель. Журчитъ гранатъ паденье.
Визжитъ шрапнель. Жужжанье и гудѣнье.
Рычитъ тамъ праздникъ смерти, часъ свой для.

О, долгій часъ. И сколько капель крови
Еще исторгнетъ Рокъ, пока до дна
Не выпьетъ кубокъ краснаго вина.

Но не навѣкъ нахмуренныя брови.
Идетъ къ намъ небывалая весна:—
Россія—съ Польшей. Двѣ святыя нови.

Александръ Блокъ.

Петроградское небо мутилось дождемъ,
На войну уходилъ эшелонъ.
Безъ конца—взводъ за взводомъ и штыкъ за штыкомъ.
Наполнялъ за вагономъ вагонъ.

Въ этомъ поѣздѣ тысячью жизней цвѣли
Боль разлуки, тревоги любви,
Сила, юность, надежда... Въ закатной дали
Были дымныя тучи въ крови.

И, садясь, запѣвали „Варяга" одни,
А другіе—не въ ладъ—„Ермака",
И кричали ура, и шутили они,
Ротъ смѣялся, крестилась рука.

Вдругъ подъ вѣтромъ взлетѣлъ опадающій листъ,
Раскачнувшись, фонарь замигалъ,
И подъ черною тучей веселый горнистъ
Заигралъ къ отправленью сигналъ.

И военною славой запѣлъ тотъ рожокъ,
Наполняя тревогой сердца.
Громыханье колесъ и охрипшій свистокъ
Заглушило ура безъ конца.

Ужъ послѣдніе скрылись во мглѣ буфера,
И сошла тишина до утра,
А съ дождливыхъ полей все неслось къ намъ ура,
Въ грозномъ кликѣ звучало: Пора!

Нѣтъ, намъ не было грустно, намъ не было жаль,
Несмотря на дождливую даль.
Это—ясная, твердая, вѣрная сталь,
И нужна ли ей наша печаль?

Эта жалость—ее заглушаетъ пожаръ,
Громъ орудій и топотъ коней.
Грусть—ее застилаетъ отравленный паръ
Съ Галиційскихъ кровавыхъ полей.

ВОЙНА.

На камняхъ скалъ, подъ ропотъ бора
Предвѣчной Силой рождена,
Ты—дочь губящаго Раздора,
Дитя нежданное, Война.

И въ кругъ звѣрей, во мглу пещеры
Тебя швырнула въ гнѣвѣ мать,
И съ дѣтства ты къ соснамъ пантеры
Привыкла жадно припадать.

Ты мощью въ мать, хотя суровѣй,
По сердцу ты близка съ отцомъ,
И не людскую жажду крови
Всосала вмѣстѣ съ молокомъ.

Какъ высшій судія, всевластно
Проходишь ты тропой вѣковъ,
И кровь блеститъ полоской красной
На жемчугахъ твоихъ зубовъ.

Ты золотую чашу „право“,
Отцовскій даръ, бросаешь въ міръ,
Чтобъ усладить струей кровавой,
Подъ гулы битвъ, свой страшный пиръ.

И за тобой, дружиной вѣрной
Спѣша, съ знаменами въ рукахъ,
Всѣ повторяютъ крикъ пантерный,
Тобой подслушанный въ лѣсахъ.

1904 г.

Валерій Брюсовъ.

ПОСЛѢДНЯЯ ВОЙНА.

Свершилось. Рокъ рукой суровой
Приподнялъ завѣсу временъ.
Предъ нами лики жизни новой
Колышатся, какъ дикій сонъ.
Покрывъ столицы и деревни,
Взвились, бушуя, знамена.
По пажитямъ Европы древней
Идетъ послѣдняя война.

. . . .

Такъ слишкомъ долго мы коснѣли
И длили Валтасаровъ пиръ.
Пусть, пусть изъ огненной купели
Преображенный выйдетъ міръ!

Пусть рушатся былые своды,
Пусть съ гуломъ падаютъ столбы,—
Началомъ мира и свободы
Да будетъ страшный годъ борьбы!

Валерій Брюсовъ.

ВЪ ОКОПАХЪ.

Въ семьѣ суровыхъ ветерановъ
Пью чай. Пальба едва слышна.
Вдали подъ снѣгомъ спитъ Цѣхановъ,
И даль въ снѣгу погребена.

Незримо судьбы всей Европы
Съ судьбой уральцевъ сплетены.
Но нынче въ снѣжные окопы
Доходитъ смутно гулъ войны.

Сквозь сѣрые туманы солнце
Не ярко свѣтитъ, безъ лучей.
Тиха бесѣда о японцѣ,
И равномѣренъ звукъ рѣчей.

Міръ крикнулъ этимъ бородатымъ
Сибирякамъ: „Братъ, выручай!“
И странно съ сумрачнымъ солдатомъ
Пить на досугѣ мутный чай.

Неизмѣримымъ бредятъ грезы,
Крушеньемъ царствъ и благомъ всѣхъ...
А здѣсь—разсказы про шимозы
Смѣняетъ беззаботный смѣхъ.

Валерій Брюсовъ.

СОЛДАТСКАЯ.

Такъ-то, братцы, и съ Китаемъ
Церемониться намъ что-ль?
Шапками ихъ закидаемъ!
Воевать хотятъ?—Изволь!

Колотили мы и шведа
Подъ Полтавой въ дни Петра,
Или внуки хуже дѣда?
Или та прошла пора?

Фридрихъ нѣмецъ куралесилъ,
Къ намъ совался, вражій сынъ.
Мы ему посбили спеси
Хвать—и заняли Берлинъ.

Бонапарте велъ французовъ,
Жегъ Москву, а вотъ пойди-жъ!
Заморилъ ихъ всѣхъ Кутузовъ,
Да и мы пришли въ Парижъ.

Подступали англичане
И на Крымѣ обожглись.
Севастопольскія брани
Въ мірѣ громомъ отдались.

Ну, а что до этихъ турокъ,
Это намъ бывалый врагъ.
Жаль, султанъ ихъ очень юрокъ,—
Не добьешь его никакъ.

Итальянцевъ нашъ Суворовъ
Артикуламъ обучалъ;
И смирилъ полякъ свой норовъ
Въ дни, когда забунтовалъ.

Мы взбѣжали на Памиры,
Съ нихъ не двинемся назадъ.
Императорской порфиры
Край упалъ на Араратъ.

Отъ Индѣи до Карпатовъ
Рѣки, горы и моря
Нашихъ видѣли солдатовъ
Силы бѣлаго Царя.

Такъ-то, братцы, и съ Китаемъ
Церемониться намъ что-ль?
Шапками ихъ закидаемъ.
Воевать хотятъ?—Изволь!

Конст. Эрбергъ.

МЕЧИ.

Живешь и дышишь,—неси свой крестъ,
Неси безъ жалобъ, неси безъ стона
И не ропщи ты, когда окрестъ
Все такъ уныло, такъ похоронно.
Земля смирилась, смирилась твердь,
По предначертаннымъ орбитамъ
Летятъ планеты, и даже смерть
Коситъ, послушна велѣньямъ скрытымъ.
Молчитъ природа,—и ты молчи
И жди спасенья не изъ эфира,
Вѣрь въ человѣка, въ его мечи:
Они разрубятъ злой узелъ міра.

Вячеславъ Ивановъ.

УБѢЛЕННЫЯ НИВЫ.

Посмотрите на нивы, какъ онѣ побѣлѣли.
Ев. отъ Іоанна, IV, 35.

Не человѣческимъ плугомъ
Міръ перепаханъ отнынѣ.

На мірской мировщинѣ
Намъ скоро другъ съ другомъ,
Надъ яснымъ лугомъ,
Цѣловаться въ соборной святынѣ.

Вырвано съ глыбою черной
Коренье золъ застарѣлыхъ.

Жди всходовъ бѣлыхъ
На нивѣ просторной,
Народъ чудотворный,
Поминаючи вѣрныхъ и смѣлыхъ.

Крѣпко надѣйся, и вѣруй,
Что небывалое будетъ.

Чу, петелъ будитъ
Подъ мглою сѣрой
Уснувшихъ глухо!
Мужайся: не мѣрой
Даетъ Богъ Духа,
И Солнце Земли не забудетъ.

Вячеславъ Ивановъ.

НЕДУГУЮЩИМЪ.

Ты, совѣсть русская, себѣ,
Дитя, вѣрна и въ бездорожьи
Скитаній темныхъ! И Судьбѣ
Самой кричишь: „суди по-божьи!"—

Когда рѣшеньемъ вышнихъ силъ
Русь ворога превозмогаетъ,—
Архистратигъ ли Михаилъ,
Иль ей Георгій помогаетъ.

И, на вселенскіе вѣсы
Бросая подвигъ достославный,
Своей не видишь ты красы,
Своей не вѣришь правдѣ явной.

Въ самоотверженной мечтѣ,
Стыдясь знаменоваться кровью,
Такъ ты блуждаешь во Христѣ
И соблазняешься любовью.

О, совѣсть русская! Пора
Тебѣ, переболѣвшей ложью
Уединеннаго добра,—
Бѣглянкѣ овчаго двора,—
Войти съ народомъ въ Правду Божью.

М. Кузминъ.

О Өеодоръ Стратилаче,
О Георгій, апрѣльскій цвѣтъ,
Во пресвятой вы во палатѣ,
Гдѣ ни плача, ни скорбей нѣтъ.
Выходите вы со полками
Изъ высокихъ злаченныхъ вратъ.
Вашъ оплотъ надо всѣми нами:
Божій воинъ земному братъ.
Изведете огонь и воду,
Растопите вы топь болотъ,
Понашлете всю непогоду—
На безбожный и вражій родъ!
Преподобные, отклоните
Ваши взоры отъ райскихъ книгъ,
Вы, святители, освѣтите,
Предводи насъ, архистратигъ!
Мы молебны поемъ не втуне,
Не напрасно поклоны бьемъ.
Изъ приморской спѣшитъ Солуни
Свѣтъ Димитрій, звеня копьемъ.
На порогѣ же Божья Мати
Свой покровъ простираетъ вслѣдъ,
Чтобы царь Христосъ своей рати
Далъ вѣнецъ золотыхъ побѣдъ.

ГЕРОИ.

Мы все еще не привыкли,
Что сдѣлалась смерть проста.
Пуля, копье ли, штыкъ ли,—
Одинаково рана свята.
Небо, какъ въ праздникъ сине,
А подъ нимъ кровавый бой.
Эта барышня—героиня,
Въ бойскоуты идетъ лифтъ-бой.
Учебники намъ солгали,
Что подвигамъ время прошло.
Сердце болитъ отъ печали,
Но въ душѣ (сознайтесь) свѣтло.
Мой знакомый—веселый малый,
Онъ даже играетъ въ винтъ,
А теперь струею алой
Сочится кровь черезъ бинтъ.
Въ лазаретѣ на той недѣлѣ
Лежалъ онъ, не могъ даже сѣсть.
Я тронулъ полу шинели.
Герои—это и есть?

БѢЛАЯ ОДЕЖДА.

Въ ночь скорбей три дѣвы трехъ народовъ
До разсвѣта не смыкали вѣжды.
Для своихъ, для павшихъ въ ратномъ полѣ
Шили дѣвы бѣлыя одежды.
    Первая со злобой ликовала:
    Та одежда плѣннымъ пригодится;
    Шью ее отравленной иглою,
    Чтобы ихъ страданьемъ насладиться.
А вторая дѣва говорила:
Для тебя я шью, о мой любимый!
Пусть весь міръ погибнетъ лютой смертью,
Только бъ ты былъ Господомъ хранимый!
    И шептала тихо третья дѣва:
    Шью для всѣхъ, будь другъ онъ или ворогъ,
    Если кто страдая умираетъ—
    Не равно ль онъ жалокъ намъ и дорогъ?
Усмѣхнулась въ небѣ Матерь Божья,
Тѣ слова предъ Сыномъ повторила,
Третьей дѣвы бѣлую одежду
На Христовы раны положила:
    „Радуйся, воистину воскресшій!
    Скорбь твоихъ страданій утолится—
    Нынѣ сшита кроткими руками
    Чистая Христова Плащаница.

ВОЙНА.

Какъ собака на цѣпи тяжелой
Тявкаетъ за лѣсомъ пулеметъ,
И жужжатъ шрапнели, словно пчелы,
Собирая ярко красный медъ.

А вдали „ура"—какъ будто пѣнье
Трудъ дневной окончившихъ косцовъ...
Скажешь—это мирное селенье
Въ самый благостный изъ вечеровъ.

И поистинѣ свѣтло и свято
Дѣло величавое войны;
Серафимы, ясны и крылаты,
За плечами воиновъ видны.

Расцвѣтаетъ духъ какъ роза мая,
Какъ огонь онъ разрываетъ тьму,
Тѣло, ничего не понимая,
Слѣпо повинуется ему.

Сквозь лѣса глухіе и окопы
Цѣпью славы связывая насъ,
Онъ идетъ по пажитямъ Европы,
Какъ женихъ къ невѣстѣ въ дивный часъ.

Н. Гумилевъ.

Есть тамъ много жизней достойныхъ,
Но одна лишь достойна смерть,
Лишь подъ пулями въ рвахъ спокойныхъ
Любишь знамя Господне, твердь.
И за это знаешь такъ ясно,
Что въ единственный, строгій часъ,
Въ часъ, когда, словно облакъ красный,
Милый день уплыветъ изъ глазъ,
Сводъ небесный будетъ раздвинутъ
Предъ душою, и душу ту
Бѣлоснѣжные кони ринутъ
Въ ослѣпительную высоту.
Тамъ начальникъ въ бранномъ доспѣхѣ
Изъ прохладныхъ звѣздныхъ лучей
И къ старинной бранной потѣхѣ
Огнекрылыхъ зовъ трубачей!
Но и здѣсь, на землѣ, не хуже
Эта смерть—ясна и проста:
Здѣсь товарищъ о павшемъ тужитъ
И цѣлуетъ его въ уста;
Здѣсь священникъ въ рясѣ дырявой
Умиленно поетъ псаломъ,
Здѣсь сыграютъ маршъ величавый
Надъ едва примѣтнымъ холмомъ.

Н. Гумилевъ.

Какъ могли мы прежде жить въ покоѣ
И не ждать ни радости, ни бѣдъ,
Не мечтать объ огнезарномъ боѣ,
О рокочущей трубѣ побѣдъ!

Какъ могли мы... Но еще не поздно,—
Солнце духа наклонилось къ намъ,
Солнце духа благостно и грозно
Разлилось по нашимъ небесамъ.

Въ дикой прелести степныхъ раздолій,
Въ тихомъ таинствѣ лѣсной глуши—
Ничего нѣтъ труднаго для воли
И мучительнаго для души.

Чувствую, что скоро осень будетъ,
Солнечные кончатся труды,
И отъ древа духа снимутъ люди
Золотые, зрѣлые плоды.

Н. Гумилевъ.

ТУРКЕСТАНСКІЕ ГЕНЕРАЛЫ.

Подъ смутный говоръ, стройный гамъ,
Сквозь мѣрное сверканье баловъ,
Такъ странно видѣть по стѣнамъ
Высокихъ старыхъ генераловъ,

Привѣтный голосъ, ясный взглядъ,
Бровей сѣдѣющихъ изгибы
Намъ ничего не говорятъ
О томъ, о чемъ сказать могли бы.

И кажется, что въ вихрѣ дней,
Среди сановниковъ и денди,
Они забыли о своей
Благоухающей легендѣ.

Они забыли дни тоски,
Ночные возгласы: „къ оружью",
Унылые солончаки
И поступь мѣрную верблюжью;

Поля невѣдомой земли,
И гибель роты несчастливой,
И Учъ-Кудукъ, и Киндерли,
И русскій флагъ надъ бѣлой Хивой.

Забыли? — Нѣтъ! Вѣдь каждый часъ
Какимъ-то случаемъ прилежнымъ
Туманитъ блескъ спокойныхъ глазъ,
Напоминаетъ имъ о прежнемъ.

— „Что съ вами?" — „Такъ, нога болитъ".
— „Подагра?" — „Нѣтъ, сквозная рана".—
И сразу сердце защемитъ
Тоска по солнцу Туркестана.

И мнѣ сказали, что никто
Изъ этихъ старыхъ ветерановъ,
Средь копій Греза и Ватто,
Средь мягкихъ креселъ и дивановъ,

Не скроетъ ветхую кровать,
Ему служившую въ походахъ,
Чтобъ вѣчно сердце волновать
Воспоминаньемъ о невзгодахъ.

Анна Ахматова.

УТѢШЕНІЕ.

Вѣстей отъ него не получишь больше,
Не услышишь ты про него.
Въ объятой пожарами скорбной Польшѣ
Не найдешь могилы его.

Пусть духъ твой станетъ чистъ и покоенъ,
Уже не будетъ потерь.
Онъ Божьяго воинства новый воинъ,
О немъ не грусти теперь.

И плакать грѣшно, и грѣшно томиться
Въ миломъ родномъ дому.
Подумай, ты можешь теперь молиться
Заступнику твоему.

1914. сентябрь.

Анна Ахматова.

МОЛИТВА.

Дай мнѣ черныя ночи недуга,
Задыханья, безсонницу, жаръ...
Отыми и ребенка, и друга,
И таинственный пѣсенный даръ.

Такъ молюсь за Твоей Литургіей
Послѣ столькихъ томительныхъ дней,
Чтобы туча надъ скорбной Россіей
Стала облакомъ въ славѣ лучей.

1915. Анрѣль.

Сергѣй Городецкій.

ПОДВИГЪ ВОИНЫ.

Не первый вечеръ пѣли волны
Въ народномъ морѣ, и стоналъ
Стихійный вѣтеръ мощи полный,
И къ небу гимнъ летѣлъ, какъ валъ;
Опять на небѣ пламенѣла
Заря, невиданно ясна,
Когда изъ вражьяго предѣла
Домчалась вѣсть войны. Война!

Война! Война! Такъ вотъ какія
Отверзлись двери предъ тобой,
Любвеобильная Россія,
Страна съ Христовою судьбой!
Такъ пріими жъ вѣнецъ терновый
И въ адъ убійственный сойди
Въ рукѣ съ мечомъ своимъ суровымъ,
Съ крестомъ сіяющимъ въ груди!

Прости, несжатый, мирный колосъ!
Земля родимая, прости!
Самой судьбы громовый голосъ
Зоветъ Россію въ бой идти.
Не празденъ будетъ подвигъ бранный,
Въ крови родится новый вѣкъ,
И къ пашнѣ, славой осіянный,
Вернется русскій человѣкъ.

Какъ по нѣмому уговору,
Среди внезапной тишины
Текли къ Казанскому собору
Россіи вѣрные сыны.
Колонны гордаго портала,
Казалось, выше поднялись.
Какъ изумрудъ, надъ всѣмъ сіяла
Небесъ торжественная высь.

Сѣдой священникъ тихо вышелъ...
Изъ тысячъ вспыхнувшихъ сердецъ
Молитва вырвалась... Услышалъ
Ее въ раю Своемъ Творецъ.
Блаженъ, кто пѣлъ въ народномъ хорѣ,
Кто встрѣтилъ силу въ русскомъ взорѣ
И чудотворную слезу!

19 іюля 1914 г.

Вл. Бестужевъ.

РОССІИ.

Все это было такъ недавно:
Баянъ отпѣлъ, — и сталъ иной,
Чтобы размѣренно и плавно
Воспѣть печаль страны нѣмой. —

Чтобы не соколы погнались
За лебедями, но сама
Струна летѣла, звуки мчались,
Скликая птицъ — и пѣла тьма.

Тебѣ бы пѣть, Баянъ, походы, —
Чтобы испить прозрачный Донъ,
Какъ ты воспѣлъ въ былые годы
Призывы дѣдовскихъ временъ!..

Звалъ брата братъ: пойдемъ на стражу,
Пойдемъ испить прозрачный Донъ, —
Намъ птицы ночи путь укажутъ,
Намъ прозвенитъ ихъ вѣщій стонъ!

О милый братъ, мой конь осѣдланъ,
Мои бойцы ужъ въ стременахъ, —
Чего-жъ намъ ждать? уже сегодня
Измѣримъ вольный путь въ степяхъ!

И видитъ Игорь, — солнце гаснетъ
Въ полуденный и томный часъ,
Но тѣмъ свободнѣй, тѣмъ безстрашнѣй —
Еще одинъ сразиться разъ!

Стекайтесь къ морю копья вражьи,—
Идемъ къ пустыннымъ берегамъ:
Намъ солнце тьмой нашъ путь укажетъ—
По вѣщимъ птичьимъ голосамъ.

Они пошли — и волки выли,
И на щетинахъ ихъ орлы
Усѣлись грозно — и томили
Своимъ рыданьемъ вздохи мглы;

Лисицы пѣли въ изступленьѣ.
И совы знали напередъ,—
Въ какомъ невѣдомомъ сраженьѣ,
И кто навѣрное падетъ.

Но въ смутныхъ снахъ холодной ночи
Четыре солнца вдаль текли,
И пламенно смотрѣли очи —
Туда, гдѣ тучи залегли...

О Русь! ты за холмомъ случайнымъ,
Но къ волнамъ путь открытъ тебѣ —
Ты къ новымъ и завѣтнымъ тайнамъ
Идешь наперекоръ судьбѣ.

Пусть битвы были раньше страшны,
Теперь завѣщаны страшнѣй;
Пусть солнца жаркія погасли
За той безкрайностью степей,—

О Русь! ты за холмомъ случайнымъ!
Твой путь все гнѣвнѣй и темнѣй,
Тебя навѣкъ взманили тайны
Чрезъ степи, рѣки — до морей...

Но въ пятницу — еще въ надеждѣ
Томилъ и разливался бой,—
Ты побѣдила вновь, какъ прежде,
Ты снова справилась съ судьбой;

Но въ пятницу — еще надежда
Была съ тобой, — ты разнесла
По степи трупы и одежды,
Ты кровь по водамъ разлила;

Ты дѣвушекъ влачила къ стану,
Ты золото взяла себѣ —
На зло пустынному туману,
На зло надеждѣ и судьбѣ!

О Русь! ты за холмомъ случайнымъ—
Въ какую мглу какихъ путей—
Навѣкъ къ безмѣрнымъ и безкрайнымъ
Предѣламъ роковыхъ степей?

Но въ воскресенье снова битва—
Такихъ не будетъ никогда—
Теперь молись! теперь молитва,
Теперь печаль, теперь страда!

Трава поникла отъ печали,
Изсохли нивы — ночь мутна;
Не молніи затрепетали,
Не тучей грозной даль страшна,—

Ты побѣжденная уходишь,
Взятъ Игорь въ плѣнъ — ты спасена, —
Назадъ домой полки уводишь,
Глухой судьбѣ обречена...

Все это было такъ недавно:
Не Святославу ль снится сонъ,
И грустно плачетъ Ярославна
Среди неутоленныхъ женъ?

Не Святославу ль снится горе,
И ноетъ вѣрная струна—
О морѣ, о раздольномъ морѣ,
Гдѣ сила Божья сожжена?

И вѣритъ Ярославна чуду,
Зоветъ невѣрнаго домой:
Иные сны и ночи будутъ
Томить подъ кровлею родной —

И не въ объятьяхъ, не въ привѣтахъ!..
Насталъ ли невозможный часъ—
Свершить послѣдніе завѣты:
Сразиться — но въ послѣдній разъ!

Тамъ, за степями, за лѣсами,
За молніями всѣхъ ночей—
Пройти безслѣдными путями
Навстрѣчу роковыхъ морей!

Пусть Святославъ не вѣритъ встрѣчѣ,
Пусть Ярославна ждетъ домой,—
Неистовыя — Божьи сѣчи
Намъ гнѣвной суждены судьбой:

Испить моря — узнать безкрайность
Еще таинственныхъ морей, —
О Игорь, не одна случайность
Былъ твой походъ во мглѣ степей.

Гдѣ солнце тмилось, волки выли,
Лисицы пѣли подъ грозой,—
Но гдѣ орлы тоской томили—
И звали въ безпредѣльный бой.

КАЗАКЪ.

Отъ цвѣтныхъ степей донецкихъ
Въ глубь сѣдыхъ болотъ нѣмецкихъ
Онъ, удалый, поскакалъ
На конѣ гнѣдомъ, поджаромъ,
Съ ликомъ темнымъ, юнымъ, ярымъ,
Обнаживъ зубовъ оскалъ.
Здѣсь—цвѣтовъ веселыхъ звѣзды,
Шутки шумныя разъѣзда.
Тамъ, вдали,—Богъ знаетъ, что...
Не засада-ль ямы волчьей?
Не застава-ль шашекъ кольче?
Все равно: ему нипто.
Рыщетъ влѣво, рыщетъ вправо.
Гикъ—и гонитъ буйной лавой
Перепуганныхъ враговъ,
Блещетъ мѣдною серьгою,
Колетъ смуглою рукою,
Снова гикъ—и былъ таковъ.
Такъ ширяй, казакъ, и гикай
И неси съ побѣдной пикой
Въ глубь чужихъ туманныхъ странъ
Духъ нашъ орлій, взглядъ соколій,
Золотую птицу воли
Изъ земли младыхъ славянъ!

Игорь Сѣверянинъ.

Поэза благословенія.

Я не сочувствую войнѣ,
Какъ проявленью грубой силы.
Страшны досрочныя могилы
И оскорбительны вдвойнѣ.

Къ побѣдѣ красная стезя,
И скорбь на ней—исходъ конечный.
Безразумной и безсердечной
Войнѣ сочувствовать нельзя.

Но есть великая война,
Война народной обороны:
Отбросить вражьи легіоны
Встаетъ пронзенная страна.

Когда отечество въ огнѣ,
И нѣтъ воды, лей кровь, какъ воду...
Благословеніе народу!
Благословеніе войнѣ!

Игорь Сѣверянинъ.

ОНИ СРАЖАЮТСЯ ВЪ ПОЛЯХЪ...

Они сражаются въ поляхъ,
Все позабывшіе въ бояхъ,
Не забывая лишь о томъ,
Что гдѣ-то есть родимый домъ,
Что дома ждетъ тоскуя мать
И не устанетъ вѣчно ждать,
Что плачетъ милая жена,
Въ такіе дни всегда вѣрна,
И дѣти рѣзвою гурьбой
Играютъ беззаботно „въ бой"...

Они сражаются въ поляхъ,
Сегодня—люди, завтра—прахъ,
Они отстаиваютъ насъ.
Но кто изъ нихъ свой знаетъ часъ?
А если бъ знать!... А если бъ знать,
Тогда нельзя душой пылать:
Ужасно заряжать ружье,
Провидя близкое свое.
Неумертвимые въ мечтахъ,
Они сражаются въ поляхъ!

Игорь Сѣверянинъ.

Мою страну зовутъ Россіей.
Я въ ней рожденъ, ее люблю.
И если бъ вы меня спросили,
Молю ль побѣды ей,—молю!

Да, я молю. Но оттого ли,
Что край мой лучше всѣхъ краевъ?...
Вездѣ краса и святость боли,
И скорбь вездѣ, гдѣ льется кровь...

И люди все же всюду люди,—
Утонченники ль, дикари ль,—
Ведущіе въ добрѣ и худѣ
Свою банальную кадриль.

Я, призывающій къ содружью
И къ радостямъ тебя, земля,
Я жажду русскому оружью
Побѣдъ затѣмъ, что русскій—я!

РУССКИМЪ ВОИНАМЪ.

За васъ, невѣдомые братья
безъ имени и безъ числа,
незримый подвигъ сораспятья
душа, воздвигшись, приняла.

Прошедши путь безмѣрно долгій,
со всѣхъ концовъ сошлися вы,
съ Амура чуждаго и съ Волги,
отъ Терека и отъ Невы.

Различны вѣрой и обрядомъ,
обычаемъ и языкомъ,
вы не колеблясь стали рядомъ,
вы побратались предъ врагомъ.

И, можетъ быть, причинъ не зная,
и тайной цѣли не прозрѣвъ,
глядитъ, какъ вы страна родная,
туда, гдѣ будущій посѣвъ.

Не въ первый разъ надъ хмурой новью,
расцвѣты пышные суля,
витаетъ смерть, чтобъ алой кровью
была удобрена земля.

Для васъ, невѣдомые братья
безъ имени и безъ числа,
кого она въ свои объятья
безмолвно ждетъ иль приняла,

для васъ, кѣмъ будетъ подвигъ бранный
свершенъ предъ родиной моей,—
сплету вѣнокъ благоуханный,
зажгу зарю грядущихъ дней.

Въ далекихъ заревахъ сраженій,
алѣющихъ сквозь огнь и дымъ,
какъ призракъ неугасныхъ мщеній
возстану я, неотвратимъ,

и словомъ звонкимъ, словомъ громкимъ,
продливъ навѣки то, что есть,
внушить сумѣю всѣмъ потомкамъ
любовь и гнѣвъ, любовь и месть.

Ноябрь 1914 г.

Дмитрій Крючковъ.

Стой крѣпко, русская земля—
Въ звѣздахъ сіяетъ Божья риза.
Ни стѣнъ московскаго кремля,
Ни чаръ Петрова парадиза
Ни Волги быстрыхъ, вольныхъ струй
Безбожный хищникъ не увидитъ—
О Градѣ вышнемъ поревнуй!
Христосъ твои страданья видитъ.
Онъ исходилъ твои поля
Стопами легкими, босыми—
Стой крѣпко, русская земля,
И бейся съ ворогами злыми!
Не одолѣетъ жизни—тля,
Спасетъ опять Христова риза
Твердыню царскаго кремля,
Гранитъ Петрова парадиза.

Рюрикъ Ивневъ.

РУССКИМЪ ВОИНАМЪ.

Когда отъ вражескихъ напоровъ
Разящій дрогнетъ мечъ въ рукѣ,
Пусть промелькнетъ у вашихъ взоровъ
Генералиссимусъ Суворовъ
Въ своемъ походномъ сюртукѣ.

И въ каждомъ воинѣ проснутся
Сердца прославленныхъ временъ,—
И, сжатые со всѣхъ сторонъ,
Германскіе полки метнутся
Подъ свистъ разорванныхъ знаменъ.

Пусть совѣщаются въ Бреславлѣ,
Какъ мощь Россіи сокрушить,—
Вы будете опять тушить
Пожаръ Европы; мы—молить,
Чтобъ врагъ жестокій былъ раздавленъ.

Надъ вами слава, точно мать,
Склонилась нѣжно. Ваши муки
Слезами будемъ омывать
И ваши раненыя руки
Съ любовью нѣжной цѣловать.

ПЕРЕНЕСЕНІЕ ЗНАМЕНЪ.

Колышутся побѣдныя знамена,
Крещеныя въ поляхъ Бородина.
Музыкою вся улица полна,
И ровенъ шагъ гудящій батальона.

Глухая и безмолвная страна,
Орлы побѣдъ у каменнаго трона.
Увидитъ ли васъ трепетная Рона,
Къ Царьграду ли васъ вынесетъ волна?

Такъ радостно подъ вашимъ знакомъ темнымъ
По улицамъ шумливымъ проходить
И чувствовать, какъ связываетъ нить
Тебя, ведущаго, со всѣмъ огромнымъ,
Что сзади отбиваетъ мѣрный шагъ
И вашъ блистательный возноситъ знакъ.

Александръ Томамшевъ.

. . . . требуетъ
Къ священной жертвѣ...
А. Пушкинъ.

Требуетъ Поэта и Героя
Въ этотъ міръ священныхъ жертвъ чреда.
Чтобъ за боемъ снова жаждать боя,
Чтобъ не знать предѣловъ никогда.

Чтобы помнить свѣтлую Элладу,
Сынъ боговъ, Поэтъ не уставалъ,
Чтобы стихъ, какъ мудрую Палладу,
Строгій Дантъ, какъ новый Зевсъ, рождалъ,

Чтобъ жила улыбка Беатриче,
Голосъ мудрыхъ музъ и взглядъ богинь,
Звонъ мечей стальныхъ въ верховномъ кличѣ
И въ глазахъ Эгейской глади синь.

М. Струве.

Завершители войны.

Когда настала темень,
И не было видно ничего,
Вы, зарывшись глубоко въ землю,
Стрѣляли невидимыхъ враговъ.

Пули у самаго уха
Пролетали непослушныя мольбѣ,
А мы напряженно и глухо
Молили—убей, убей!

Когда разсвѣло внезапно
И остался свѣтлый туманъ,
Мы не вѣрили нашимъ глазамъ,
Но это былъ вовсе не обманъ.

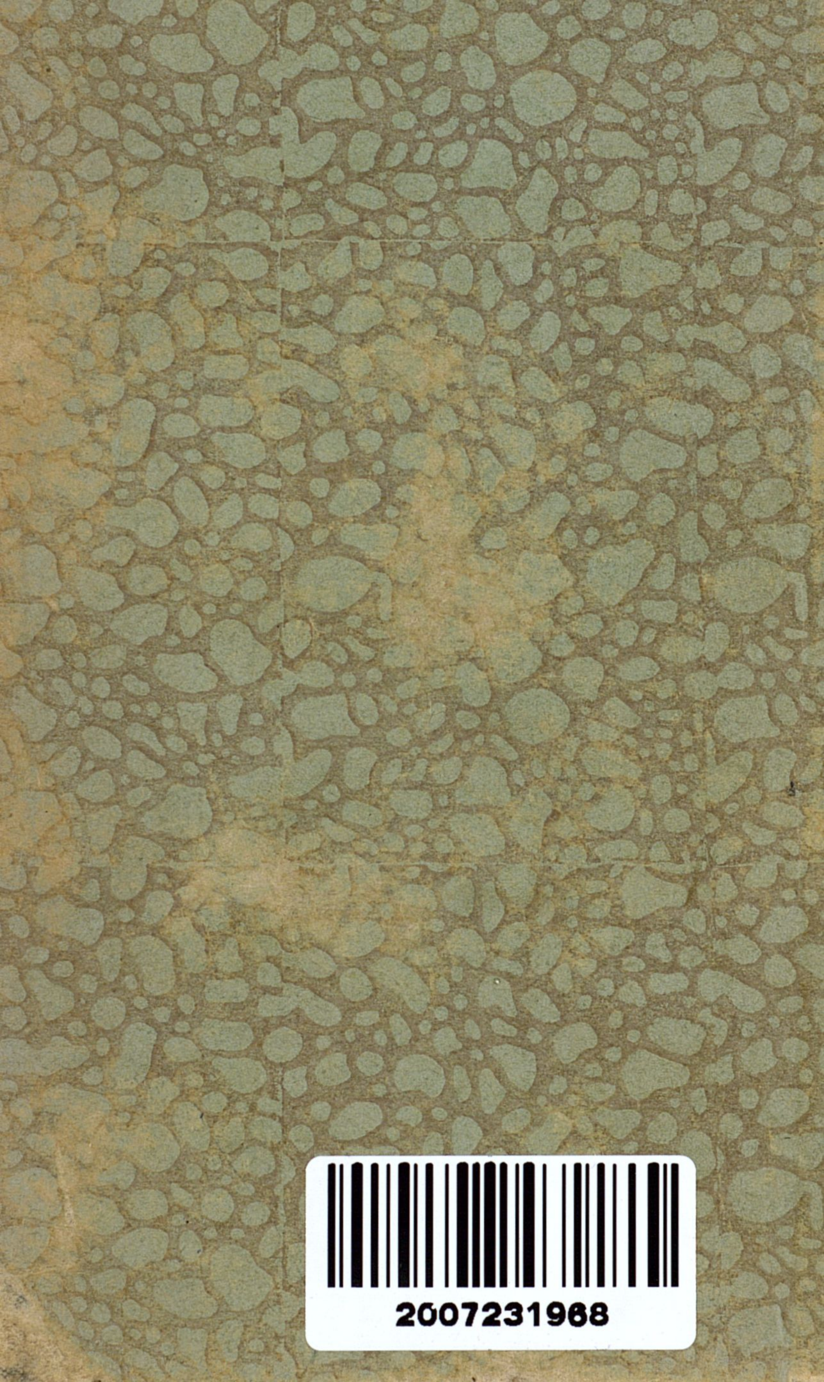
Увѣренными и большими шагами
Съ нашей и чужой стороны,
Не зная ни друга, ни врага,
Шли завершители войны.

Блистали большія полотна,
И на каждомъ увидѣли мы
Написанное отчетливо
Короткое слово: миръ.

И враги былые и мы—ушли
Въ небо за сіяющей фалангой...
ТѢ, кто остались для земли,
Не поймутъ, что это были—Ангелы.

ТИПОГР. И ЦИНКОГР. Э. ФРИШМУТЪ,
ПЕТРОГРАДЪ, ДЕМИДОВЪ, ПЕР. Д. 1.

2007231968